

Т. М. Сабирова, Е. Л. Русских

КЛАДЫ ИДНАКАРА

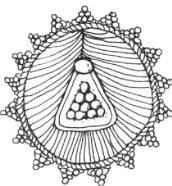

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

Т. М. Сабирова, Е. Л. Русских

КЛАДЫ ИДНАКАРА

Монография

Ижевск
2022

УДК 902.1
ББК 63.48 (2)
С12

Научный редактор
д.и.н. Т. И. Останина

Рецензенты:
к.и.н. С. Е. Перевошников,
к.и.н. И. Г. Шапран

Сабирова Т. М., Русских Е. Л.

С12 Клады Иднакара: монография / науч. ред. Т. И. Останина; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2022. – 112 с.

ISBN 978-5-6044266-9-2

Издание посвящено комплексному изучению четырех вещевых кладов, обнаруженных в ходе раскопок городища Иднакар под руководством М. Г. Ивановой. Определены их место и роль в культурном слое поселения и в ареале распространения чепецких древностей. Выполнен анализ содержания и характера находок, установлены аналогии в синхронных памятниках. Выявлен состав металлических сплавов, из которых изготовлены артефакты, что позволило получить представление об общем уровне развития цветной металлообработки чепецкой культуры. Публикация сопровождается художественно-информационным каталогом иднакарских кладов, включающим полное описание изделий и их художественные изображения.

Монография адресована археологам, историкам, музеинным работникам, краеведам, студентам и школьникам, всем, интересующимся прошлым своего края.

ISBN 978-5-6044266-9-2

УДК 902.1
ББК 63.48 (2)

© Сабирова Т. М., 2022
© Русских Е. Л., 2022
© УдмФИЦ УрО РАН, 2022

*Светлой памяти
Маргариты Григорьевны Ивановой
(20 ноября 1945 г. – 12 мая 2020 г.)*

М. Г. Иванова родилась 20.11.1945 г. в д. Верхние Кватчи Можгинского района Удмуртской АССР. В 1965 г. окончила Можгинское педагогическое училище, в 1965–1969 гг. училась на историческом факультете Удмуртского государственного педагогического института. В 1970 г. поступила в аспирантуру Института археологии Академии наук СССР. В 1975 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию, а в 1996 г. получила степень доктора исторических наук.

Свою трудовую деятельность Маргарита Григорьевна начала в 1963 г. в Верхне-Кватчинской начальной школе. В 1969–1970 гг. была научным сотрудником Удмуртского республиканского краеведческого музея. С 1973 г. жизнь М. Г. Ивановой неразрывно связана с УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН (до 1987 г. – Научно-исследовательский институт при СМ УАССР, до 2017 г. – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН). За более чем полувековой период Маргарита Григорьевна прошла путь от старшего научного сотрудника, заведующего сектором археологии (1981 г.), ученого секретаря (1996 г.) до заместителя директора по научной работе (2013 г.).

Основное направление исследований М. Г. Ивановой – изучение проблем истории и культуры финно-угорского средневековья. Особенно значительны ее труды, посвященные городищу Иднакар IX–XIII вв. Обширные материалы этого крупнейшего памятника Волго-Камья, полученные в результате систематических исследований в течение 37 лет, позволили ей конкретизировать особенности развития укрепленных поселений Прикамья на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы. Логическим продолжением стали исследования синхронного памятника – Кушманского городища Учкакар. Благодаря применению широкого круга естественнонаучных методов за сравнительно короткие сроки получена принципиально новая информация о структуре поселения, которая оказалась более сложной, чем представлялась по внешне-

выраженным топографическим параметрам. М. Г. Иванова – автор более 200 научных работ, посвященных материалам средневековых памятников бассейна р. Чепцы.

Публикации коллекций великолепных произведений искусства, полученных на памятниках археологии, позволили раскрыть многие аспекты материальной и духовной культуры удмуртского народа и использовать их в современном художественном творчестве. Многолетние исследования средневековой культуры удмуртского народа способствовали созданию на базе городища Иднакар Историко-культурного музея-заповедника, которому в 2021 г. было присвоено имя Маргариты Григорьевны.

М. Г. Иванова являлась Заслуженным деятелем науки УР (1994 г.), в 2006 г. была удостоена Национальной премии «Достояние поколений» в номинации «За внедрение новых технологий в практику археологических исследований», в 2007 г. – Государственной премии УР в области науки, в 2011 г. – Премии Правительства Российской Федерации в области культуры, в 2016 г. награждена Почетной грамотой Удмуртской Республики.

Введение

В современном законодательстве клад – это зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых неизвестен (ГК РФ: статья 233). В археологическом понимании клад – это комплекс предметов, специально спрятанных в земле или в другом недоступном месте с целью сохранения. Археологические клады могут и не обладать существенной материальной ценностью, но они всегда имеют важное историческое значение.

Роль кладов как исторического источника сложно переоценить. Они маркируют собой значимые изменения в местной истории, демонстрируют направление и насыщенность торговых контактов. Анализ состава кладов наглядно показывает, какие предметы имели наибольшую материальную ценность в сознании оставившего их народа. Один из сложнейших вопросов, стоящих перед археологами – причины выпадений кладов и причины, по которым спрятанные клады оказались невостребованными их владельцами. Помещение материально значимых вещей в землю и хранение их там до момента истребования является своеобразным аналогом сейфа, задача которого – сохранить содержимое во время пожаров, набегов врагов, при угрозе кражи [Седых, 2008, с. 39].

Разноплановый состав найденных вещевых комплексов, широкий спектр условий их обнаружения, сложность в определении датировки условно закрытых комплексов – эти и многие другие факторы обусловили отсутствие единой классификации кладов как археологического источника [Клады..., 2002, с. 7–8]. В археологии клады делятся на типы по следующим критериям:

- состав (вещевые, монетные, смешанные);
- характер (производственные клады мастеров, клады с религиозным значением, личные клады, торговые клады);
- повод к сокрытию клада (клады-сбережения и клады, спрятанные в чрезвычайных обстоятельствах);
- время востребования (клады короткого накопления, длительного накопления, безвозвратные клады).

Богатая военно-политическими конфликтами история Древней Руси IX–XIII вв. нашла отражение в виде многих сотен найденных кладов, состоящих из женских украшений и монет. Как отмечает В. Н. Седых, военно-политическая нестабильность, характерная для периода призываия Рюрика, заставила насе-

ние прятать имеющиеся ценности, что выразилось в значительном количестве кладов, датированных этим временем [Седых, 2008, с. 40]. Клады более позднего периода могут быть связаны с княжескими усобицами и нападениями кочевников [Корзухина, 1954, с. 5].

Обширный массив находок кладов долгое время оставался без должного изучения. Более того, клады, найденные в XVIII в. и ранее, безвозвратно утеряны для науки; а обнаруженные в первой половине XIX в. представлены в музейных собраниях единично. Только с 1880-х гг., благодаря деятельности Императорской Археологической комиссии по борьбе с кладоискательством и выкупу кладов у населения, стала формироваться коллекция монетных и вещевых кладов Древней Руси IX–XIII вв., которая впервые была обобщена в 1954 г. в монументальной работе Г. Ф. Корзухиной. Она заложила принципы систематизации кладов, провела датировку находок, основываясь на выделении общих устойчивых признаков в их составе, опубликовала первый подробный каталог [Корзухина, 1954]. В 2014 г. обновленный корпус древнерусских кладов был проанализирован Н. В. Жилиной, которая добавила к каталогу Г. Ф. Корзухиной более 250 новых находок и провела комплексную характеристику материалов, включая создание дробной типологической классификации и стилистического анализа украшений [Жилина, 2014].

Практика сокрытия ценностей в земле встречается и у финно-угорского населения бассейна р. Камы. Археологически фиксируется несколько периодов в истории Прикамья, для которых характерно отложение кладов: II–III вв. н. э. (пьяноборская историко-культурная общность), VII–IX вв. (неволинская, ломоватовская, поломская культуры), X–XIII вв. (чепецкая, родановская культуры). Периодом II–III вв. н. э. датируются восемь из девяти вещевых кладов, найденных в одном только Каракулинском районе Удмуртской Республики [Голдина, Черных, 2011, с. 97–104]. К VII в. относится клад археологических предметов, обнаруженный в 2004 г. в Алнашском районе Удмуртской Республики. Комплекс найденных вещей был атрибутирован как клад ювелира и исследован с применением традиционных археологических и естественнонаучных методов. Комплексный подход к источнику позволил изучить не только хронологические и культурно-исторические аспекты материала, но и представление о технике и технологии ювелирного дела VII в. [Останина и др., 2011]. Большинство кладов, найденных в бассейне р. Камы и ее притоков, относятся к периоду средневековья – ломоватовская, неволинская, поломская, чепецкая, родановская культуры.

В бассейне р. Чепцы на территории поломской и чепецкой археологических культур зафиксировано порядка 20 кладов и более 50 местонахождений отдельных предметов, близких по своему характеру к кладам. Большинство находок относится к интервалу IX–XIII вв., единичные из них датированы концом VIII в. Средневековые клады бассейна р. Чепцы неоднократно становились предметом изучения исследователей различных направлений – исторического, археологического, нумизматического, искусствоведческого. Наиболее известны работы А. А. Спицына, А. К. Маркова, В. П. Даркевича, В. Л. Янина, С. А. Яниной, А. В. Фомина, Н. В. Федоровой, А. Г. Иванова, Т. И. Останиной. Авторами затрагивались

некоторые темы: введение в научный оборот новых источников, детальное описание кладов, их определение, картографирование, анализ путей поступления предметов из кладов, выступающих индикатором этнокультурных и экономических связей древнего населения и пр. [Спицын, 1893, 1895; Марков, 1910; Янин, 1956; Янина, 1962; Кропоткин, 1971, 1978; Даркевич, 1976; Фомин, 1982; Федорова, 1990, 1991; Иванов, 1997, 2001; Останина, 2011, 2015].

Отдельным направлением в изучении кладов является анализ доступных этнографических материалов, соотносимых с удмуртским этносом и, в частности, с северными удмуртами. Основанием для использования этнографических параллелей является абсолютное совпадение ареала чепецкой археологической культуры с территорией расселения современных северных удмуртов, что предполагает этносоциальную преемственность населения [Иванов и др., 2004, с. 56].

Анализ удмуртской сказочной и несказочной прозы о кладах, проведенный Т. Г. Владыкиной и Т. И. Паниной с привлечением опубликованных трудов, архивных данных и полевых материалов авторов, выявил типологическую общность представлений о кладе и его природе у славянской (русской) и финно-угорской (коми) культур [Владыкина, Панина, 2017]. В удмуртской традиционной культуре клады чаще всего ассоциируются со спрятанным в земле золотом или серебром. Найденные на территории поселений (при проведении земляных работ, раскатке старого дома) трактуются как спрятанные старицами на черный день или в наследство потомкам. Отдельную группу так называемых «заветных» кладов составляют ценности, найденные в основном за пределами поселений в местах, особо выделяемых носителями традиционной культуры. Это пограничные области (такие как край леса, межа, обочина дороги), водоемы и связанные с ними объекты, выделяющиеся ландшафтные точки (холм, гора, одиноко стоящее дерево), а также места прежних поселений мифологических богатырей [Владыкина, Панина, 2017, с. 60].

Сокровища богатырей являются одним из устойчивых мотивов удмуртских героико-богатырских преданий. Н. И. Шутова отмечает, что какая-то часть средневековых кладов, состоявших из монет, серебряных сосудов и украшений, могла маркировать собой местоположение древних святилищ, на площадках которых аккумулировались принесенные в дар ценности. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас ритуалы, связанные с пожертвованием жителями ценностей во время молений для подношения божествам [Шутова, 2016, с. 70]. Относясь к богатырям как к прародителям, наделенным невероятной физической силой и сверхъестественными возможностями, удмурты упоминали подземный клад как обязательный атрибут каждого городища из мифических преданий [Владыкина, 1998, с. 181–182]. В частности, одним из мест хранения таких кладов в устном народном творчестве выступает городище Иднакар [Владыкина, 1998, с. 221–222].

В конце XIX в. Н. Г. Первухин, инспектор народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии, получил от местных жителей сведения об иднакарских кладах: «Внутри городища с северо-западной стороны, по преданию, есть подземелье, в которое от р. Пызепа ведут железные двери, в ночь на Пасху откры-

вающиеся и стоящие открытыми до окончания церковной службы. Зарыты также клады на юго-восточной стороне, у подножия городища, в бугорке, лежащем на берегу «старицы» р. Чепцы. Много сокровищ кинуто также в самую «старину», но чтобы достать их оттуда, надо узнать заветное слово. Все Иднакарские клады уже давно желают отаться в руки счастливому, а поэтому выходили наружу и даже переходили на другие места, являясь то в форме бочки на самом Идна-каре, то в виде всадника, одетого в белое, прискакавшего с Идна-кара на старый могильник близ дер. Адамской, где всадник этот и исчез» [Первухин, 1896, с. 69].

По сведениям Н. Г. Первухина, в ходе постоянной распашки поверхности городища крестьяне нередко находили археологические предметы. Одной из самых ценных являлась «находка крестьянки дер. Сордырской, Афимы Будиной, которая осенью 1883 г., во время жатвы, случайно увидела выставившийся из земли кусок серебра, стала копать окружающую площадку и нашла еще несколько слитков в глиняном сосуде, всего до 14 фунт.* серебра, которое и было продано ею в Вятке за 180 р.» [Первухин, 1896, с. 69].

Убежденность местного населения в том, что городище таит в себе клады, была подтверждена во второй половине XX в. результатами археологических исследований. В ходе систематических экспедиций Научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР (с 1987 г. – Удмуртского института истории, языка и литературы УрО АН СССР) на площадке опорного памятника чепецкой культуры – Солдырского I городища Иднакар** – под руководством М. Г. Ивановой было обнаружено четыре средневековых клада. Они зафиксированы в 1976, 1988, 1994 и 1999 гг. в культурном слое разных структурных площадок поселения и включают металлические украшения, предметы производственного характера, импортные ритуальные сосуды. Эти находки явно свидетельствуют о наличии у местного средневекового населения потребности в сокрытии ценностей.

Несмотря на уникальность иднакарских кладов, до настоящего времени не существовало обобщающей работы, посвященной их комплексному анализу. В трудах М. Г. Ивановой информация о них носит справочный характер и приводится ею в контексте описания материалов разных лет исследований [Иванова, 1998; Иванова, Куликов, 2000; Земля Идны, 2008; История Удмуртии..., 2007; Иванова и др., 2021]. Значимость источника требует более глубокого осмысливания, а возможности использования современных неразрушающих материаловедческих методик открывают перед исследователями широкие перспективы.

При подготовке монографии авторами был поставлен ряд исследовательских задач, позволяющих в полной мере отразить многообразие исторической информации, скрытой в иднакарских находках. Определено место и роль кладов в слое поселения и в ареале распространения чепецких древностей. Проведен анализ содержания и характера кладов, осуществлено сопоставление находок с синхронными материалами и установлены аналогии. Выявлен со-

* ≈ 5,733 кг.

** Далее по тексту – городище Иднакар.

став металлических сплавов, из которых выполнены артефакты, что позволило получить представление об общем уровне развития цветной металлообработки населения чепецкой культуры. Создан художественно-информационный каталог находок иднакарских кладов, содержащий полное описание изделий и их изображения.

Идея создания данного исследования принадлежит Маргарите Григорьевне Ивановой – это последний проект, над которым она начала работу перед своей кончиной. Авторы выражают благодарность всем, кто принял участие в подготовке издания: А. Ю. Емельяновой – за работу в архиве и фотографирование предметов из иднакарских кладов; Т. Р. Сабирову – за подготовку иллюстрированного каталога и обложки издания; Р. Г. Валееву, Ф. З. Гильмутдинову, А. Н. Бельтикову и И. К. Аверкиеву – за сотрудничество в определении элементного состава изделий иднакарских кладов; БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (директор О. В. Арекеева) – за содействие в работе с коллекциями; Т. И. Останиной – за научную консультацию.

Книга подготовлена в рамках реализации Плана мероприятий по организации и проведению Года культурного наследия народов России в Удмуртской Республике, утвержденного распоряжением Правительства Удмуртской Республики от 9 марта 2022 г. № 172-р.

Глава 1. КЛАДЫ VIII–XIII вв. В БАССЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ

Комплексный подход к изучению кладов, найденных на городище Иднакар, требует более глубокого анализа подобного рода находок, отмеченных на карте распространения памятников поломско-чепецкого времени. На территории среднего течения р. Чепцы и в верховьях ее правых и левых притоков, за пределами средневековых поселений обнаружено 11 кладов восточного серебра VIII–XII вв. (Богдановский, Глазовский, Дондыкарский, Карасевский, Лесагуртский, Омутницкий, Седьярский, Уканский, Утемильский, Чуринский, Ягошурский). Еще три клада с восточным серебром этого же хронологического периода имеют большое значение для реконструкции средневековых контактов чепецкого населения, несмотря на то, что локализованы не собственно на р. Чепце, а на сопредельных территориях бассейна р. Вятки (Вятский, Рябиновский, Турушевский) (рис. 1; табл. 1).

Особую группу составляют клады, обнаруженные на площадках чепецких городищ IX–XIII вв., включающие как изделия местных ювелиров, так и предметы импорта. Среди них пять кладов (один не сохранился), найденных на городище Иднакар, два клада Гординского I городища (Гурьякар). Значительный пласт находок, косвенно относящихся к категории кладов, составляют местонахождения отдельных предметов из круга поломско-чепецких древностей, включающих, как правило, отдельные находки серебряных шейных гравен, других женских украшений и восточных монет.

Состав чепецких кладов позволяет выделить несколько условных типов: денежно-монетные клады, клады восточных серебряных сосудов и смешанные, в составе которых нередко встречаются предметы «производственного» характера (металлические пластины, их обрезки, слитки металла). Ввиду разнообразия критериев оценки чепецких кладов и их неповторимости по содержанию, авторами приводятся краткие данные обо всех известных на сегодняшний день кладах в ареале распространения поломско-чепецкой культуры. Описание дается в хронологической последовательности относительно их датировки (табл. 1).

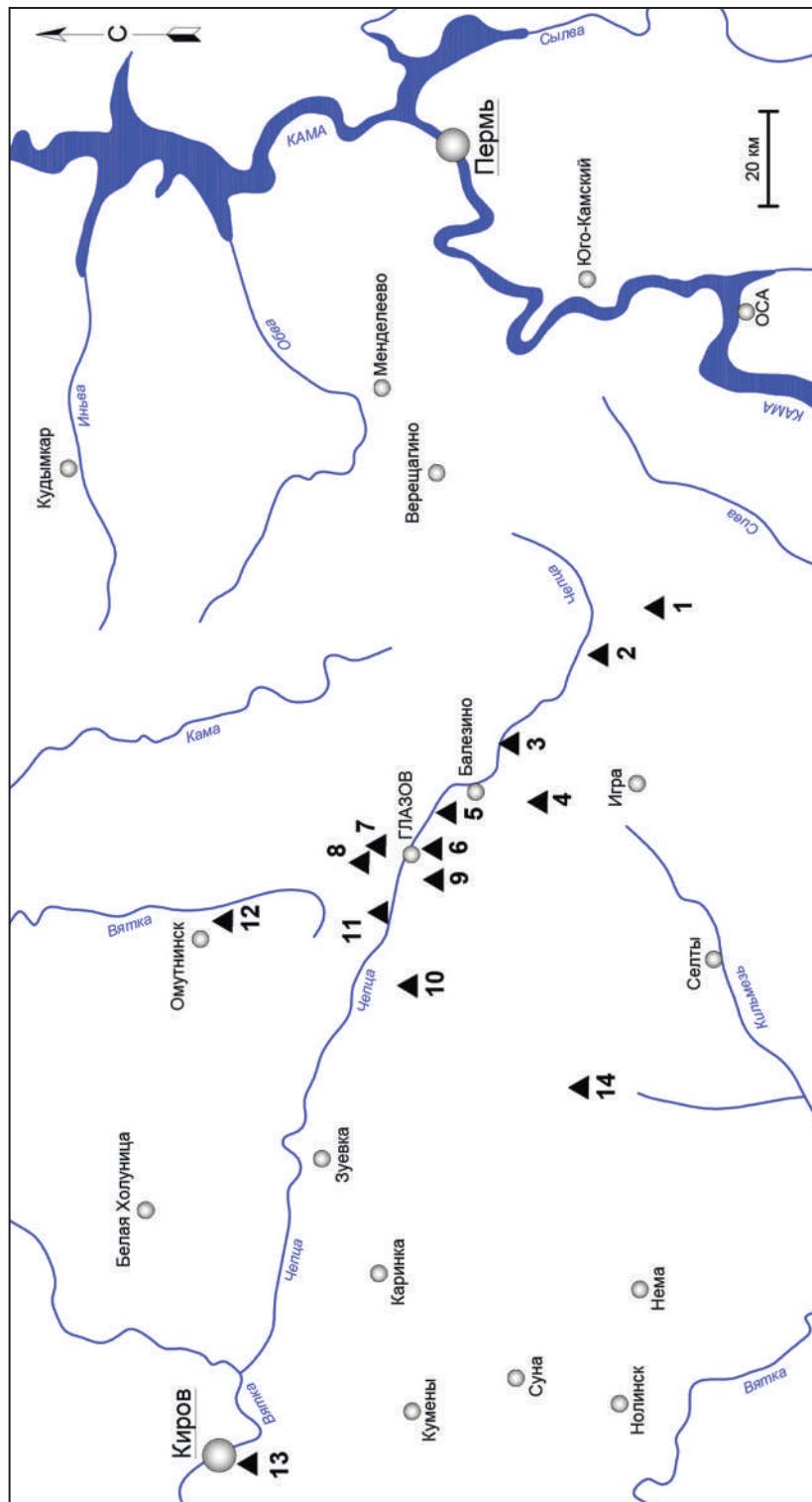

Рис. 1. Карта кладов VIII–XII вв. бассейна р. Чепцы и близлежащих окрестностей.

1 – Богдановский, 1-я пол. X в.; 2 – Лесогорский, сер. IX в.; 3 – Седярский, VIII–IX вв.; 4 – Ягушурский (Кестымский), сер. IX в.; 5 – Омутницкий, сер. IX в.; 6 – Глазовский, кон. VIII в.; 7 – Дондикарский (Понинский), IX–XI вв.; 8 – Утемильский, IX–X вв.; 9 – Чуринский (Извильский), VIII–IX вв.; 10 – Уканская, IX–XI вв.; 11 – Карасевский, X–XII вв.; 12 – Турущевский, VII–VIII вв.; 13 – Вятский (Кировский), VIII–IX вв.; 14 – Рябиновский, X в.

Таблица 1

Клады VIII–XII вв. в бассейне р. Чепца и близлежащих окрестностях

№	Клад	Датировка	Тип	Локализация	Дата находки	Состав клада
1	Богдановский	1-я пол. X в.	монетно-вещевой	правый берег р. Ита, правый приток р. Лоза, левый приток р. Чепца	1885 г.	серебряные куфические монеты; обломок серебряной шейной гривны
2	Лесогурский (Лесогурский)	сер. IX в.	монетно-вещевой	левый берег р. Ирымка, левый приток р. Чепца	1961 г.	139 восточных монет (22 целые и 117 обломков), 34 тонкие подпрямоугольные медные пластинки, 3 серебряные шейные гривны глазовского типа, 2 металлических слитка, серебряная шкатулка (не сохранилась)
3	Седьярский	VIII–IX вв.	вещевой	правый берег р. Чепца	1884 г.	серебряный кувшин
4	Ягошурский (Кестымский)	сер. IX в.	монетно-вещевой	верховья небольшого ручья, левый приток р. Юнда, левый приток р. Чепца	1867 г.	серебряный кувшин, наполненный восточными монетами (1500 экз.); серебряный слиток
5	Омутницкий	сер. IX в.	монетный	р. Омутница, левый приток р. Чепца	2013 г.	целые арабские монеты; резаны; фрагменты неопределенного бронзовового предмета (металлического сосуда?); включает в себя 47 аббасидских дирхемов и их обломков
6	Глазовский	конец VIII в.	монетный	левый берег р. Чепца	1870 г.	77 монет, из которых сохранились 3 – омейядский и аббасидские дирхемы

Оконч. табл. 1

№	Клад	Датировка	Тип	Локализация	Дата находки	Состав клада
7	Дондъкарский (Понинский)	X вв.	монетно-вещевой	верховья р. Симашур, правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца	1873 г.	5 цельных и несколько сломанных серебряных шейных гривен; 4 серебряных слитка; 4 куфические монеты и несколько бус
8	Утемильский (находка)	IX–X вв.	вещевой	верховья р. Утемка, правый приток р. Чепца	1891 г.	серебряное с позолотой блюдо
9	Чуринский (Извильский)	VIII–IX вв.	вещевой	правый берег р. Убыль, левый приток р. Чепца	1887 г.	2 больших серебряных с позолотой блюда.
10	Уканский (по Талицкой – Дондинский)	IX–X вв.	вещевой	правый берег р. Лекма, левый приток р. Чепца	1886 г.	2 серебряных с позолотой блюда; серебряная шейная гривна глазовского типа
11	Карасевский	X–XII вв.	вещевой	левый берег р. Жаба, левый приток р. Чепца	1890 г.	византийское блюдо; сплюснутое ведерце с дужкой; кружка; нижняя часть кувшинчика; шейная гривна глазовского типа
12	Турушевский	VIII вв.	вещевой	верховья р. Вятки	1927 г.	серебряное ведерко, наполненное блюдами, шейными гривнами и светильниками
13	Вятский (Кировский)	VIII–IX вв.	монетный	левый берег р. Вятка	1889 г.	позолоченные серебряные изделия (блюда, сосуды, среднеазиатские светильники)
14	Рябиновский	X в.	монетно-вещевой	левый берег р. Лумпунь, правый приток р. Кильмезь, левый приток р. Вятка	1883 г.	6 дирхемов гривна глазовского типа, перстень со вставкой, 2 бляхи-всадницы, 3 сережки, 3 круглые бляхи, монеты

К периоду конца VIII – IX в. относится восемь кладов, найденных в бассейне р. Чепцы и на примыкающих к нему территориях.

Наиболее ранний из них – Турушевский клад VIII в. – был обнаружен в 1927 г. в верховьях р. Вятки, у д. Турушева (Глазовский уезд Вятской губернии, совр. – Омутницкий р-н Кировской обл.). Местный пастух, провалившийся ногой в яму на опушке леса, нашел в ней серебряное ведро, наполненное блюдами, шейными гривнами и светильниками. В 1929 г. на том же месте обнаружены позолоченные серебряные изделия. Клад хранится в Эрмитаже [Талицкая, 1952, с. 47; Мацулич, 1940, с. 139].

Самая древняя находка этого клада – сасанидские серебряные блюда со сценами охоты. На первом блюде изображен царь Шапур II (309–379 гг.) (рис. 2-1), на втором – царь Бахрам Гур и Азаде (VII–VIII вв.) (рис. 2-2). Кроме иранской посуды, в кладе находилось византийское серебро. Одно из византийских блюд декорировано розеткой в центре (629/630–641 гг.), другое – черненым крестом в обрамлении плюща (641–651 гг.). В кладе присутствовали также предметы из Средней Азии второй половины VIII – первой половины IX в. Среди них серебряные светильники и ведро весом 1,926 кг с розеткой на дне, нанесенной чеканом снаружи. Один из светильников содержит изображения животных, связанных со среднеазиатскими культурами плодородия (рис. 3-2). В четырех медальонах выгравированы верблюд, олень, косуля и конь. Между ними – гранатовые деревья на скалах. На рукояти изображена свернувшаяся в клубок пантера – культовое животное Диониса-Вакха. Другой светильник позолоченный, с изображением слона и круговой надписью «Благословение, и благополучие, и удовольствие, и наслаждение, и счастье от Аллаха владельцу сего» (рис. 3-1) [Даркевич, 1976, с. 10–13].

Рис. 2. Блюда из Турушевского клада

[URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/26-o-kladah-v-rossii/1670-vyatka-serebryanaya-arabskie-dirhemy-4.html>]

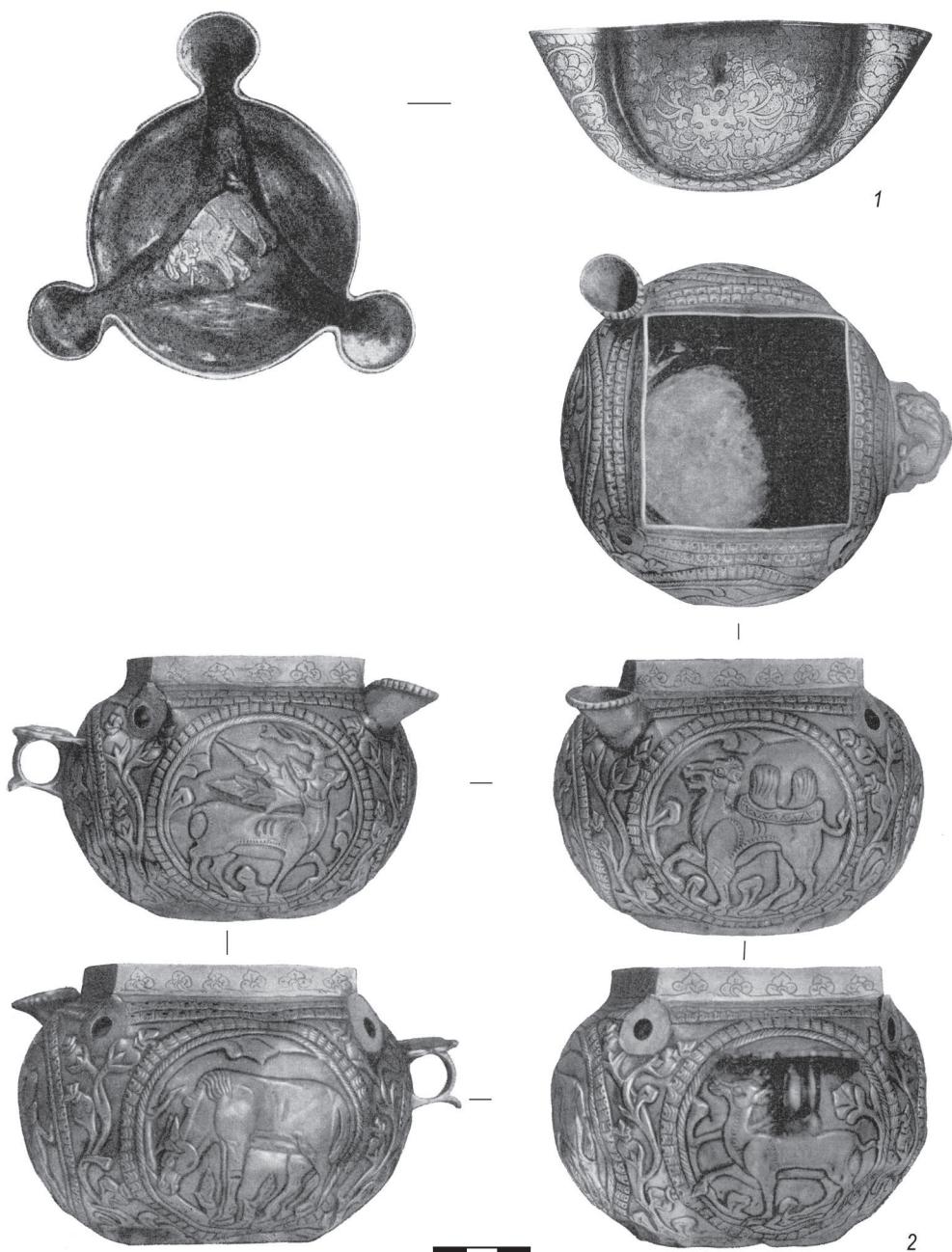

Рис. 3. Светильники из Турушевского клада
[Даркевич, 1976, с. 83, табл. 9]

Глазовский клад кон. VIII в. был обнаружен в 1850 г. на левом берегу р. Чепцы в одной версте от г. Глазова (Вятская губерния, совр. – УР). Клад состоял из 77 серебряных дирхемов, большая часть которых была утеряна. Среди трех сохранившихся куфических монет самой младшей является чеканенный в Васите омейядский дирхем халифа Хишам-Ибн Абд-аль-Малика 121 г. х. (739 г.). Две другие – аббасидские дирхемы халифа аль-Махди, чеканенные в Мухамедане в 164 г. х. (780–781 г.) и в Кермане в 168 г. х. (684 г.) [Иванов, 1997, с. 111; Иванов и др., 2004, с. 188].

Вятский (Кировский) клад VIII–IX вв. найден в 1889 г. на левом берегу р. Вятки при рытье фундамента под дом на территории г. Вятки (совр. – г. Киров). Монетный клад содержал шесть дирхемов: три омейядских, чеканенных в Дамаске в 83 г. х. (702 г.), в Васите в 89 г. х. (707 г.) и в 94 г. х. (712 г.); три аббасидских, чеканенных в Мухалицидине в 149 г. х. (766 г.) и в 195 г. х. (810 г.) и один тахиридский дирхем, чеканенный в Самарканде в 220 г. х. (835 г.) [Талицкая, 1952, с. 32].

Ягошурский (Кестымский) клад середины IX в. найден в 1867 г. в верховьях небольшого левого притока р. Юнды, левого притока р. Чепцы недалеко от пос. Ягошурской (Глазовский уезд Вятской губернии, совр. – д. Ягошур Балезинского р-на УР). При распашке поля крестьянином Т. Лекомцевым был обнаружен серебряный кувшин весом 5 фунтов и 48 золотников* (рис. 4). В кувшине лежали серебряный слиток весом в 18 золотников** и 1500 редких куфических дирхемов общей массой 10 фунтов и 10 золотников***. Сосуд высотой 25,5 см имел грушевидное туло, узкое горлышко со сливом, низкий кольцевой поддон и украшенную трехлепестковой пальметкой ручку (рис. 4). По данным Б. И. Маршака, такой тип кувшинов характерен для Средней Азии VII–VIII вв. Монетный состав клада изучен В. Г. Тезингаузеном, В. Л. Яниным, А. В. Фоминым. Младшая монета 843 г. тахиридского чекана. Старшие – сасанидские драхмы 587 и 619 гг. Клад принадлежит к крупнейшим кладам куфических монет в Восточной Европе. Кувшин находится на хранении в Эрмитаже [Иванов, 1997, с. 111; Фомин, 1988; Янин, 1956; Даркевич, 1976, Иванов и др., 2004, с. 133–134].

Лесагуртский (Лесогуртский) клад середины IX в. найден в 1961 г. на левом берегу р. Ирымки, левого притока р. Чепцы недалеко от д. Лесагурт (Дебесский р-н УАССР, совр. – УР). Клад был обнаружен группой учащихся Дебесской средней школы в период сенокоса на лугу у реки. По своему составу клад смешанный (монетно-вещевой). Он включает в себя 136 серебряных восточных монет (22 целых экземпляра, остальные в обломках), 34 металлические пластины (рис. 5), два слитка цветного металла, «нож» (эталон для ковки пластин), обломки трех серебряных гринен глазовского типа, обломки серебряной шкатулки (по воспоминаниям школьников, на ней был изображен разъяренный лев и стреляющий в него лучник). Самая древняя монета клада – сасанидская драхма,

* ≈ 2,253 кг.

** ≈ 76 г.

*** ≈ 4,138 кг.

Рис. 4. Кувшин из Ягошурского (Кестымского) клада
[Даркевич, 1976, с. 98, табл. 20]

Рис. 5. Коллекция пластин Лесагуртского клада
[Останина, 2015, с. 13, рис. 3]

чеканенная в 590 г. в период правления Хормизда IV (579–590 гг.). Самая поздняя – аббасидский дирхем 227 г. х. (841/842 г.), чеканенный в Мерве [Останина, 2015, с. 3–8].

По мнению Т. И. Останиной, данный комплекс являлся сырьем для работы местного ювелира, поскольку содержал предметы производственного назначения (слитки, пластины-заготовки и др.) и многочисленные обрезки серебряных монет. В ее комплексной работе представлено детальное описание всех находок из клада, а также опубликованы определения элементного состава металлических составляющих [Останина, 2015].

Омутницкий клад середины IX в. был найден в 2013 г. на распаханном поле в окрестностях д. Омутница (Глазовский р-н УР) разведывательной экспедицией музея-заповедника УР «Иднакар» под руководством А. Н. Кириллова. Клад состоял из целых арабских монет, резан, обломков неопределенного бронзового предмета (предположительно металлического сосуда). Он включает в себя 47 серебряных восточных монет и является собранием аббасидских дирхемов и их фрагментов с крайними датами 777–882 гг. н. э. Кроме того, вблизи этой же деревни ранее обнаруживались так называемые *Омутницкие находки гринен и восточных монет* (табл. 2). В 1883 г. на поле была выпахана гринва глазовского типа в трех обломках. В 1903 г. на поле той же деревни найдены два дирхема: один аббасидский 804 г., чеканенный в г. Мадинат ас-Саламе, другой 880 г. (Эндерабе). В 1913 г. при вспашке поля найдены еще два дирхема: тахиридский и аббасидский. Возможно, указанные находки были обнаружены на месте Омутницкого могильника или неизвестного до 2013 г. Омутницкого селища [Беговатов, Кириллов, 2015, с. 57–59; Русских, Вершинин, 2018, с. 36–39].

Среди кладов изделий восточной торевтики, кроме находок из Ягошурского и Турушевского кладов, к периоду VIII–IX вв. относятся также Седьярский и Чуринский клады серебряных сосудов.

Седьярский клад VIII–IX вв. найден в 1884 г. на правом берегу р. Чепцы близ починка Седьярского Глазовского уезда Вятской губернии (совр. – д. Седьяр Балезинского р-на УР). В 1884 г. клад приобретен Императорской Археологической комиссией и в 1894 г. передан в Эрмитаж [Талицкая, 1952, с. 44]. Позднее, в 1901 и 1905 гг. в полях этого же починка фиксировались *Седьярские находки гринен* глазовского типа (табл. 2-39).

В состав клада входил кувшин с отломленными дном и ручкой (рис. 6). Сосуд был поврежден сохой: ручка разбита на три куска, средний из которых утрачен. На ручке вырезана тюркская руническая надпись VIII в., прочитанная П. М. Мелиоранским: «За младшую дочь Герюнчу, невесту в подарок». Сходные кувшины имеются в материалах Пенджикента. Судя по тюркской надписи, он изготовлен на востоке Средней Азии. Это подтверждает и форма поддона, которая находит аналогии в тюркских кружках VII–VIII вв. [Даркевич, 1976, с. 9].

В составе Чуринского (*Нижнечуринского, Извильского*) клада VIII–IX вв. были обнаружены два восточных блюда (рис. 7). Клад найден в 1887 г. на правом берегу р. Убыть (левый приток р. Чепцы) недалеко от пос. Извильский (Глазовский

Рис. 6. Кувшин (1) из Седьяского клада с рунической надписью на ручке (2)
[Даркевич, 1976, с. 98, табл. 20]

Рис. 7. Блюда из Чуринского (Извильского) клада
[Даркевич, 1976, с. 101, табл. 22; URL: <https://senat-perm.livejournal.com/1231243.html>]

уезд Вятской губернии, совр. – Глазовский район УР). Клад был выпахан в 60 м от проселочной дороги недалеко от починка и Извильского городища крестьянином Т. Т. Короваевым на поле при корчевке пней на нови, расположенной на краю лога. Блюдо с изображением фазана с парадным шарфом в клюве в центральном медальоне изготовлено в сасанидском Иране в VI – первой половине VII в. (рис. 7-1). Другое блюдо – с изображением обнаженной богини с оленем в центральном медальоне, окруженному богатым орнаментом из вьющейся виноградной лозы, изготовлено в восточных районах Средней Азии во второй половине VIII – начале IX в. (рис. 7-2). В 1887 г. клад приобретен Императорской Археологической комиссией и в 1891 г. передан в Эрмитаж [Даркевич, 1976, с. 9; Иванов и др., 2004, с. 190, 198]. Позднее, в 1898 г. и 1901 г. близ этой же деревни были найдены четыре обломка серебряных гравен глазовского типа (табл. 2-16) [Талицкая, 1952, с. 36; Иванов и др., 2004, с. 190, 198].

А. Г. Иванов, анализируя пути поступления восточных монет в Прикамье в VIII–IX вв., отмечает отсутствие следов активного функционирования Волжского пути в данный период и напротив – господство сухопутного караванного пути через западноказахстанские и южноприуральские степи с выходом на реки Белая, Уфа, Сылва и Кама. Чепецкие клады с восточным серебром, которые могут датироваться этим временем, в целом вписываются в динамику поступления данного импорта в Прикамье и свидетельствуют о включении этого района в непосредственные торгово-экономические связи со странами Востока. Это могло быть итогом не только сложения стабильного этнокультурного образования в Чепецком крае, но и результатом того, что оно стало одним из объединений прикамских племен, оказавшимся наиболее доступным для налаживания торгово-обменных связей после оттока населения из бассейна р. Сылвы и южных районов Верхнего Прикамья. Локализация кладов в левобережье юго-восточной части бассейна р. Чепцы отражает, по-видимому, основной торговый маршрут выхода на Чепцу со стороны Камы [Иванов, 1997, с. 110–113].

В X в. бассейн р. Чепцы являлся, вероятно, одним из районов Прикамья, тесно связанных с Волжской Булгарией, что хорошо прослеживается в археологических материалах. Изделия южного импорта поступали к чепецкому населению в основном при посредничестве булгарских купцов и через территорию Булгарского государства, зачастую дополняясь товарами собственного булгарского производства. В связи с изучением доставки восточного серебра непосредственно к чепецкому населению А. Г. Иванов отмечает значимость двух кладов (Богдановского и Рябиновского), обнаруженных не на р. Чепце, а на путях сообщения при их входе к Чепецкому бассейну [Иванов, 1997, с. 128–129].

Богдановский клад начала X в. найден в 1885 г. недалеко от д. Богданово Сарапульского уезда Вятской губернии (совр. – Шарканский р-н УР) на древнем пути, идущем от среднего течения р. Камы вдоль рек Сива и Шаркан, пересекающим р. Ита (здесь и обнаружен клад) и далее выходящем к верхнему течению р. Чепцы. Клад, обнаруженный крестьянином С. А. Загребиным, состоял

из обломка серебряной шейной гривны весом 5 золотников, 90 долей* и 407 монет, среди которых абсолютное большинство составляли саманидские дирхемы. Наиболее древняя монета относится к 283 г. х. (896/897 гг.), а новейшая – к 307 г. х. (919/920 гг.). Имеются сведения, что в 1896 г. в местности обнаружения клада найдена еще одна монета – саманидский дирхем 930 г. [Иванов, 1997, с. 128]. Кроме того, еще одна саманидская монета была приобретена у местного населения А. П. Смирновым в 1931 г. и позднее передана в Областной музей краеведения Вотской автономной области (совр. – НМ УР им. К. Герда).

Рябиновский клад X в. был найден в 1883 г. на левом берегу р. Лумпунь (правый приток р. Кильмезь, левый приток р. Вятки) крестьянином Обуховым при распашке поля недалеко от д. Рябиновская Глазовского уезда Вятской губернии (совр. не сущ.). Монеты из клада, определенные Императорской Археологической комиссией, представлены 11 дирхемами 950–978 гг., из них семь целых, четыре обломка. Девять монет чеканены Саманидами в 339 г. х. (950 г.), две – Зиярадами в Амоле в 358 г. х. (968 г.) и 368 г. х. (978 г.). Также клад содержал витую серебряную гривну глазовского типа (весом в 50 золотников)**, перстень со вставкой, три калачевидные серьги, монетовидные подвески, две подвески «всадницы» с изображением всадников на конях, помещенных на змее, и серебряный с позолотой медальон с изображением сцены охоты иранского производства IX–X вв. (рис. 8). Медальон хранится в Эрмитаже [Даркевич, 1976, с. 8; Иванов, 1997, с. 128].

В X–XIII вв. в северные районы Прикамья продолжали поступать и восточные серебряные сосуды. Предметы торевтики, известные в настоящее время на Чепце, имеют различное происхождение по месту производства (Византия и восточные районы Средней Азии). Эти клады являются неоценимым источником для раскрытия направлений торговых связей местного населения и свидетельствуют об уровне их состоятельности.

Карасевский клад X–XII вв. найден в 1890 г. крестьянином И. К. Поздеевым на левом берегу р. Жабы (левый приток р. Чепцы) недалеко от с. Карасево Глазовского уезда Вятской губернии (совр. – д. Карасево Глазовского р-на УР). Вещи вымыло из земли при половодье. Клад хранится в Эрмитаже. В его состав входили византийское блюдо с волнистым бортиком без орнамента, серебряные шейные гривны, ведро, кружка и обломок кувшина [Даркевич, 1976, с. 13].

Тонкостенное кованое ведерко с дужкой, несколько сплюснутое, с выбитой на дне восьмилучевой розеткой датировано 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в. и происходит из восточных районов Средней Азии (рис. 9-1). Обломок серебряного

* ≈ 25 г.

** ≈ 213 г.

Рис. 8. Медальон из Рябиновского клада [Даркевич, 1976, с. 80, табл. 6]

кувшинчика X–XII вв., изготовленного предположительно в Мавераннахе, декорирован под горлом фестончатым позолоченным бордюром с заштрихованным краем и круговой куфической надписью: «Благословение, и благополучие, и удовольствие, и наслаждение, и счастье от Аллаха владельцу сего» (рис. 9-2). Серебряная кружка XI–XII вв. представляет собой небольшой сосуд диаметром 11,3 см с цилиндрическим туловом и следами припоя от утраченной ручки (рис. 9-3). Отдельно от них найдены две серебряные грифы глазовского типа,

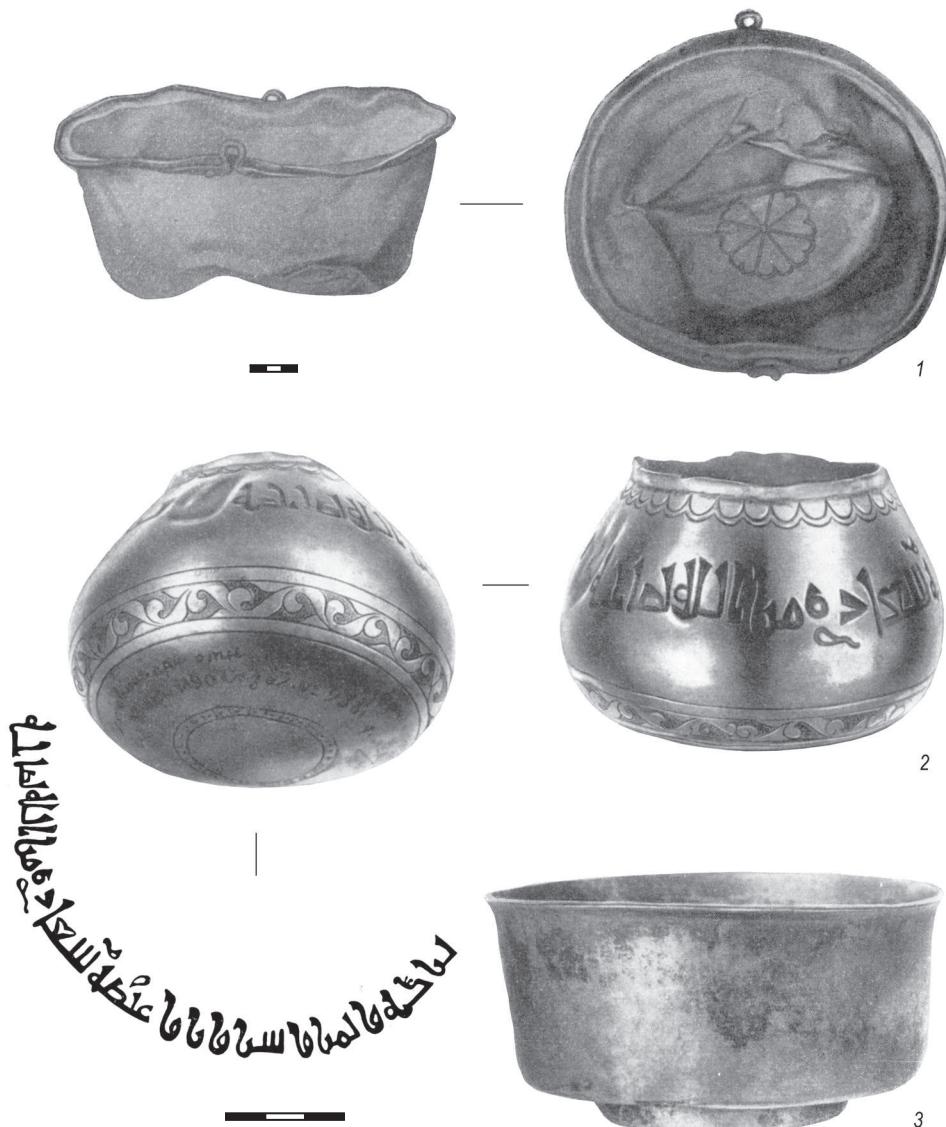

Рис. 9. Ведерко (1), туло кувшина (2) и кружка (3) из Карабесского клада
[Даркевич, 1976, с. 92, табл. 14; с. 123, табл. 33; с. 126, табл. 36]

Рис. 10. Блюдо из Утемильского клада
[Даркевич, 1976, с. 172, табл. 56]

переданные в Пермскую ученую архивную комиссию, а позднее – в Вятский музей [Талицкая, 1952, с. 35; Иванов, 1997, с. 129; Иванов и др., 2004, с. 191].

Утемильский клад IX–X вв. обнаружен в 1891 г. в верховьях р. Утемка (правый приток р. Чепца) в 400 саженях от поч. Утемильского Глазовского уезда Вятской губернии (совр. не сущ.). Он содержал серебряное позолоченное блюдо с грубо исполненным на дне изображением всадника с соколом на руке и слуги, придерживающей коня (рис. 10). Большинством специалистов находка отнесена к приуральско-венгерскому кругу изделий торевтики и датирована IX–X вв. [Иванов, 1997, с. 129, 228].

Уканский клад IX–XI вв. найден в 1886 г. на правом берегу р. Лекмы (левый приток р. Чепца) недалеко от с. Укан Глазовского уезда Вятской губернии (совр. – Ярский р-н УР). Клад обнаружен крестьянином П. И. Леонтьевым при вспашке поля в местности Жопшур на глубине 3–4 вершка*. Клад состоял из двух серебряных блюд с изображением сцен «борьбы» животных (рис. 11) и сломанной пополам серебряной гривны глазовского типа весом 33 золотника**. На первом блюде изображены грифон, змей и собака, на втором – олень, змей и собака. По мнению В. П. Даркевича, блюда изготовлены, вероятнее всего, в X в. на Балканах, в богомильской среде Болгарии и попали на Русь вместе с византийским импортом X–XII вв. В результате «вторичного импорта» они оказались в Прикамье [Даркевич, 1975, с. 263, 267, 295; Даркевич, 1976, с. 173].

* ≈ 13–17 см.

** ≈ 140 г.

Рис. 11. Блюда из Уканского клада
[Даркевич, 1975, с. 266]

Смешанным по своему составу является Дондыкарский (Понинский) клад *IX–XI вв.* Он был найден в 1873 г. в верховьях р. Симашур (правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепцы) недалеко от д. Дондыкар Глазовского уезда Вятской губернии (совр. – Глазовский р-н УР). Он включал в себя четыре куфические монеты, пять целых и несколько сломанных серебряных шейных гринен, четыре серебряных слитка и несколько бус. Также известны данные о несохранившемся Дондыкарском кладе *IX–XI вв.* (?), найденном в этом же районе (д. Дондыкар, верховья ручья – левого притока р. Симашур). По рассказам крестьян Н. Г. Первухину, в одной версте к востоку от городища Дондыкар в начале довольно мелкого лога при вспашке нови были найдены семь серебряных гринен глазовского типа и серебряные блюда с изображениями. «Эти вещи были проданы по секрету от начальства каким-то проезжавшим татарам, исчезнув бесследно для науки» [Иванов и др., 2004, с. 189–190].

Кроме того, в окрестностях этой же деревни в разные годы отмечались Дондыкарские находки украшений (табл. 2–11), часть из которых, возможно, являлась «продолжением клада 1873 г.» либо происходила с Дондыкарского городища. В Эрмитаже хранится коллекция находок, куда входят серебряная шейная гривна глазовского типа, стеклянные бусы и бронзовые бусы-пронизки, фрагменты бронзовых привесок, бронзовая арочная ажурная основа шумящей подвески [Иванов и др., 2004, с. 189].

На территории чепецкой культуры встречаются также клады, обнаруженные в процессе стационарных археологических исследований культурного слоя поселенческих памятников. К ним относятся Иднакарские клады, которые являются объектом настоящего исследования, и клады Гординского I городища (Гурьякар).

При описании городища Гурьякар Н. Г. Первухин указывал на существование среди местного населения легенды о сокрытых на городище кладах. Мест-

ные жители активно участвовали в поиске кладов и передавали Н. Г. Первухину различные предметы, найденные на поверхности городища. В 1979 г. при изучении мысовой площадки Гординского I городища отрядом Удмуртской археологической экспедиции под руководством М. Г. Ивановой был выявлен мощный культурный слой, изучены сооружения и собрана коллекция вещевого материала. Выдающимися находками стали два клада шейных гравен (рис. 12) [Иванова, 1982, с. 14–17]. Первый состоял из девяти гравен глазовского типа, завернутых в бересту (рис. 12-1). Украшения были обнаружены на глубине 130 см возле одного из жилых сооружений (уч. Г/4). По мнению М. Г. Ивановой, оно принадлежало кузнецу, поскольку в заполнении жилища и рядом с ним найдены соответствующие орудия (маленькие тигли для плавки серебра и более крупные – для плавки меди, а также молоток и наковальня). По всей видимости, гравны были приготовлены для сбыта, поскольку они были совершенно новыми, с не стершшейся нарезкой. Второй аналогичный клад был обнаружен в культурном слое этого же городища на глубине 100 см возле другого жилища (уч. в/6). Он состоял из четырех серебряных гравен, сложенных вместе (рис. 12-2). Их сглаженная поверхность, в отличие от украшений из первого клада, позволила М. Г. Ивановой предположить, что они долгое время были в употреблении [Иванова, 1985, с. 67–68]. Гравны из обоих кладов находятся на хранении в НМ УР им. К. Герда [Останина, 2004, с. 66–67].

Сравнительно небольшое количество кладов, найденных на площадках средневековых чепецких городищ, вероятно, связано со степенью их изученности методами археологии, поскольку в XIX в. Н. Г. Первухиным нередко отмечались бытовавшие у северных удмуртов и связанные с богатырским циклом предания о кладах, сокрытых на городищах.

Наиболее значительны в количественном отношении местонахождения отдельных предметов поломско-чепецкого времени (табл. 2), подавляющее большинство которых датировано IX–XIII вв.

Часть из них, содержащих престижные ювелирные изделия, аналогичные найденным в чепецких кладах, условно можно отнести к категории кладов. В составе местонахождений встречаются восточные серебряные монеты и украшения местного характера – шумящие подвески, серьги, височные кольца (находки орудий труда вынесены за пределы исследования).

Рис. 12. Клады гравен
Гординского I городища (Гурьякар)
[Иванова, Куликов, 2000, с. 75]

Таблица 2

Местонахождения отдельных предметов IX–XIII вв. в бассейне р. Чепца

№	Название	Датировка	Локализация	Дата находки	Состав	Источник
1	Аверинская находка гривен	IX–X вв.	правый приток р. Чепца	1896 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 41; Иванов и др., 2004, с. 129
2	Балезинская находка гривны	IX–X вв.	руч. Узикарка (Балезинка), правый приток р. Чепца	1908 г.	гривна	Иванов и др., 2004, с. 130
3	Бело-Ключеская находка серги (Белоключевская)	X–XII вв.	правый берег р. Чепца	1908 г.	серьга	Талицкая, 1952, с. 37; Иванов и др., 2004, с. 211
4	Богатырские (Нижнебогатырские) находки гривен	IX–X вв.	правый берег р. Чепца	1890, 1900, 1903 гг.	гривны	Талицкая, 1952, с. 38; Иванов и др., 2004, с. 186
5	Больше-Лудошурские находки гривен	IX–X вв.	левый берег р. Сельч, левый приток р. Чепца	до 1888, 1888, 1890, 1897, 1899, 1901 гг.	гривны	Талицкая, 1952, с. 41; Иванов и др., 2004, с. 187, 193
6	Большепалкинская находка гривны	IX–X вв.	верховья р. Убыть, левый приток р. Чепца	1890 г.	гривна	Талицкая, 1952, с. 38
7	Верх-Люмская находка гривен	IX–X вв.	верховья р. Люм, правый приток р. Чепца	1903 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 36; Иванов и др., 2004, с. 188
8	Габовские находки гривен	IX–X вв.	левый берег р. Узвайка, левый приток р. Чепца	1905 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 47
9	Гординская находка цилиндрика	X–XII вв.	правый берег р. Чепца	1898 г.	«цилиндр»	Талицкая, 1952, с. 42; Иванов и др., 2004, с. 131
10	Дондинские находки укращений	IX–XII вв.	верховья р. Дондышур, правый приток р. Омутъ, правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца	1886, 1894 гг.	гривна, серги	Талицкая, 1952, с. 39–40; Иванов и др., 2004, с. 189

Продолж. табл. 2

№	Название	Датировка	Локализация	Дата находки	Состав	Источник
11	Дондыкарские находки укращений	IX–XI вв.	верховья р. Симашур, правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца	в разные годы	гривна, бусы, пронизки, подвески	Талицкая, 1952, с. 39–40; Иванов и др., 2004, с. 189
12	Дураковская находка гривен	IX–X вв.	правый берег р. Пышкец, правый приток р. Чепца	1901 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 36; Иванов и др., 2004, с. 190, 198
13	Ершовские находки подвески и гривен	IX–XIII вв.	верховья р. Пусошур, левый приток р. Сельч, левый приток р. Чепца	1891, 1900, 1904, 1905 гг.	гривны, подвеска	Талицкая, 1952, с. 46; Иванов и др., 2004, с. 190
14	Жабинская находка гривен	IX–X вв.	правый берег р. Чепца, напротив впадения р. Жаба близ впадения (?) р. Нюлля в р. Варыж, левый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца	1906 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 35; Иванов и др., 2004, с. 190
15	Заварыж-Нюллинская находка подвески	IX–XII вв.	правый берег р. Убыль, левый приток р. Чепца	1898, 1901 г.	подвеска	Иванов и др., 2004, с. 190
16	Извильские находки гривен	IX–X вв.	левый берег р. Жаба, левый приток р. Чепца	1890 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 36; Иванов и др., 2004, с. 190
17	Карасевские находки гривен	IX–X вв.	правый берег р. Сельч, левый приток р. Чепца	1896, 1899 гг.	гривна, подвеска, привеска	Иванов и др., 2004, с. 191
18	Качкашурские находки	X–XII вв.	верховья руч. Четкершур, правый приток р. Салшур, правый приток р. Убыль, левый приток р. Чепца	1904 г.	гривна	Талицкая, 1952, с. 41; Иванов и др., 2004, с. 191
19	Коротаевская находка гривны	IX–X вв.	правый приток р. Салшур, правый приток р. Убыль, левый приток р. Чепца	1905 г.	гривна	Талицкая, 1952, с. 46; Иванов и др., 2004, с. 192
20	Кортышевская находка	VIII–X вв.	правый берег ручья, правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца		гривна	Иванов и др., 2004, с. 192

Продолж. табл. 2

№	Название	Датировка	Локализация	Дата находки	Состав	Источник
21	Коршуновские (Шестнадцатые) находки гривен	IX–X вв.	правый берег р. Шестнеч, правый приток р. Омутъ, правый приток р. Пызел, правый приток р. Чепца	1903, 1905, 1920-е гг.	гривны	Талицкая, 1952, с. 40; Иванов и др., 2004, с. 192
22	Кылкинская находка гривны	IX–X вв.	правый берег р. Кылкашур, левый приток р. Убыть, левый приток р. Чепца	1898 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 37; Иванов и др., 2004, с. 193
23	Лумпинский клад (находка)	IX–XI вв.	р. Лумпа, правый приток р. Сада, левый приток р. Чепца	1870 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 47; Aspelin, 1877, № 674, 675; Иванов и др., 2004, с. 212
24	Макаровские находки гривен и других предметов	X в.	р. Пызел 2-й, правый приток р. Чепца	1894, 1895 гг.	гривны, серги	Талицкая, 1952, с. 41
25	Макшурская находка гривны	IX–X вв.	правый берег р. Макшур, правый приток р. Бабишур, правый приток р. Убыть, левый приток р. Чепца	1890–1891 гг.	гривны	Талицкая, 1952, с. 37; Иванов и др., 2004, с. 193
26	Мало-Ключевская находка гривны	IX–X вв.	родник, приток р. Купкашур, приток р. Убыть, левый приток р. Чепца	1898 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 37; Иванов и др., 2004, с. 193
27	Мало-Лудошурские находки гривен	IX–X вв.	левый берег р. Сельч, левый приток р. Чепца	1895 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 41; Иванов и др., 2004, с. 193
28	Маломедлинская находка браслета	IX–XII вв.	левый берег р. Медло, правый приток р. Чепца	1970 г.	браслет	Иванов и др., 2004, с. 107–108; Станина, 2004, с. 92
29	Малоюондинская находка гривны	IX–X вв.	левый берег р. Юнда, левый приток р. Чепца	1889 г.	гривна	Иванов и др., 2004, с. 132
30	Нижне-Кузьминская находка украшений	X–XI вв.	левый берег р. Кузьма, левый приток р. Чепца	1908 г.	гривна, браслет, височное кольцо	Талицкая, 1952, с. 46; Иванов и др., 2004, с. 194

Продолж. табл. 2

№	Название	Датировка	Локализация	Дата находки	Состав	Источник
31	Омутнические находки гривен и монет	IX–X вв.	р. Омутница, левый приток р. Чепца	1883, 1903, 1913 гг.	гривны, восточные монеты	Талицкая, 1952, с. 41
32	Польянгская находка гривны	XI–XIII вв.	левый берег р. Сыга (Ваебыж), левый приток р. Чепца	1901 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 38; Иванов и др., 2004, с. 195
33	Почтошурская находка гривны	IX–X вв.	р. Кестым?, левый приток р. Чепца	1893 г.	гривна	Талицкая, 1952, с. 42; Иванов и др., 2004, с. 132
34	Пудвайская находка подвески	XI–XIII вв.	правый берег р. Омуть, правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца	1895 г.	подвеска	Талицкая, 1952, с. 40; Иванов и др., 2004, с. 195
35	Сазановская находка подвески	XI–XIII вв.	левый берег р. Люк, правый приток р. Чепца	1896 г.	подвеска	Талицкая, 1952, с. 44; Иванов и др., 2004, с. 132
36	Саламатовская находка браслета	XII–XIV вв.	правый берег р. Сельч, левый приток р. Чепца	1893 г.	брраслет	Талицкая, 1952, с. 42; Иванов и др., 2004, с. 132
37	Сараковские находки гривен	IX–X вв.	верховья р. Шестнец, правый приток р. Омуть, правый приток р. Пызеп 2-й, левый приток р. Чепца	1892, 1895, 1908 гг.	гривны, подвеска	Талицкая, 1952, с. 40
38	Седивановская находка гривен	IX–X вв.	верховья р. Унгемка, правый приток р. Чепца	1876 г.	гривны	Иванов и др., 2004, с. 132
39	Седьярские находки гривен	IX–X вв.	правый берег р. Чепца	1901, 1906 гг.	гривны	Талицкая, 1952, с. 44; Иванов и др., 2004, с. 132
40	Симпальские находки гривен	IX–X вв.	левый берег р. Симпаль, левый приток р. Омуть, правый приток р. Пызеп, правый приток р. Чепца	1905 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 40; Иванов и др., 2004, с. 195
41	Сороковские находки укращений	IX–X вв.	верховья р. Унгемка, правый приток р. Чепца	1892, 1895, 1908 гг.	гривны, привеска	Иванов и др., 2004, с. 196

Оконч. табл. 2

№	Название	Датировка	Локализация	Дата находки	Состав	Источник
42	Тукбулатовская (Тукбулатовская) находка гривен	IX–X вв.	левый берег р. Ягошур, левый приток р. Убыть, левый приток р. Чепца	1900 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 37; Иванов и др., 2004, с. 196
43	Уканские находки	X в.	правый берег р. Лекма, левый приток р. Чепца	1880-е гг.	восточные монеты, украшения	Талицкая, 1952, с. 39–40; Иванов и др., 2004, с. 213
44	Усть-Озегвайские находки гривен	IX–X вв.	правый берег р. Озегвай, правый приток р. Парзи, левый приток р. Сельч, левый приток р. Чепца	1880, 1883 г.	гривны	Иванов и др., 2004, с. 197
45	Хуторская находка подвески	XII–XIII вв.	правый берег р. Чепца	нач. 1960-х гг.	подвеска	Иванов и др., 2004, с. 198
46	Чабыровские находки украшений	XI–XIII вв.	правый берег р. Чапшур, левый приток р. Тум, правый приток р. Чепца	1904 г.	гривны, подвески	Талицкая, 1952, с. 44; Иванов и др., 2004, с. 214
47	Шимочемошурская (Шамачемошурская, Чемошурская) находка гривны	IX–X вв.	левый берег р. Сельч, левый приток р. Чепца	1906 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 36; Иванов и др., 2004, с. 198
48	Шудеговская (Шудегуртская) находка бус	XI–XII вв.	левый берег р. Пышкец, правый приток р. Чепца	1893 г.	бусы глазчатые	Талицкая, 1952, с. 36; Иванов и др., 2004, с. 198
49	Юрская находка кольца	XII–XIII вв.	левый берег р. Юрка, левый приток р. Сада, левый приток р. Лекма, левый приток р. Чепца	1895 г.	кольцо	Талицкая, 1952, с. 35; Иванов и др., 2004, с. 213
50	Ягошурская находка гривен	IX–XI вв.	верховья безымянного левого притока р. Юнда, левый приток р. Чепца	1906 г.	гривны	Талицкая, 1952, с. 43; Иванов и др., 2004, с. 133

Большинство среди известных в бассейне р. Чепцы местонахождений представлены находками гривен глазовского типа (шейных украшений в виде колец диаметром 20–22 см, выполненных из дрота круглого сечения, утончающегося у концов, часто орнаментированных спиральной нарезкой и имеющих декоративный замок в виде петли и крючка с многогранной шляпкой). Традиционно под ними подразумевают изделия из серебра, но находятся и экземпляры, выполненные из сплавов на основе меди. Встречаются изделия с тонкой и крупной нарезкой, одинарные и свернутые в 1,5–2 оборота. У единичных экземпляров имеется дополнительный «кружковый» орнамент и знаки собственности (тамга) на «колбочке».

Массовые находки гривен в составе денежно-вещевых кладов на территории Пермского Предуралья и Восточной и Северной Европы, а также совпадение ареала их распространения с монетными кладами дают основание считать их не столько украшением, сколько средством платежа в трансъевропейской средневековой торговле пушниной [Зеленцова, 2018, с. 180–185; Леонтьев, 1996, с. 164].

Временем наибольшего распространения серебряных гривен глазовского типа считается IX – первая половина XI в. Экземпляры из бронзы, по мнению А. Г. Иванова, появляются в VIII в. Им была проанализирована топография данной категории находок, которая позволила выявить их концентрацию в бассейне р. Чепцы (176 гривен из 51 места находок) и считать их одним из характерных элементов культуры средневекового населения региона [Иванов, 1998, с. 74–76].

Таким образом, в бассейне р. Чепцы, а также в верховьях р. Вятки, расположенных в непосредственной близости к ареалу поломско-чепецких древностей, на сегодняшний день известно 14 кладов VIII–XII вв., найденных за пределами средневековых поселений (рис. 1, табл. 1). На площадках чепецких городищ IX–XIII вв. (Иднакар, Гурьякар) известно семь кладов. Кроме того, на карте чепецкой культуры отмечено более 50 местонахождений отдельных предметов (табл. 2), близких по своему характеру к кладам.

В состав обнаруженных кладов входят восточные монеты и (или) изделия из серебра, что свидетельствует об их функциональном назначении. Найденные клады представляют собой запасы цветного металла местных ювелиров, прежде всего серебра [Останина, 2015, с. 25].

Т. И. Останина, анализируя картографическое распределение кладов VIII–XII вв. в бассейне р. Чепцы, указывала на расположение более ранних из них (поломского времени) на левом берегу Чепцы, чаще всего на ее левых притоках (Лесагуртский, Ягошурский, Чуринский). Возможно, в конце существования поломской культуры левобережье считалось более безопасным и почти безлюдным или имело статус особого сакрального места. В более позднее время (IX–XII вв.) клады также располагались на левобережье реки (в двух случаях на правом берегу – Дондыкарский, Утемильский), но в основном к западу от территории, ранее заселенной носителями поломской культуры (среднее течение р. Чепцы) [Останина, 2015, с. 25]. А. Г. Иванов связывал локализацию кладов в левобережной юго-восточной части бассейна р. Чепцы с основным торговым маршрутом выхода на Чепцу со стороны Камы [Иванов, 1998, с. 113].

Глава 2. КЛАДЫ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА ИДНАКАР

Солдырское I городище Иднакар IX–XIII вв. является одним из наиболее крупных укрепленных поселений Волго-Камья и Приуралья эпохи Средневековья. Оно относится к кругу городищ, связанных с богатырским циклом преданий северных удмуртов и выступает своеобразным эталоном удмуртских древностей.

Памятник расположен на мысовой части мощной гряды, выступающей в обширную долину слияния р. Чепца и ее правого притока р. Пызеп. Мыс высотой 40–50 м и длиной более 4 км ориентирован по линии запад–восток. Городище занимает конец мыса: общая длина площадки составляет около 300 м, ширина увеличивается от 80 м на краю мыса до 130–134 м в напольной части. Северный и западный края мыса практически отвесные, а южный, выходящий в сторону р. Чепцы, более пологий и задернованный. Напольная восточная часть городища защищена системой укреплений, часть которых в виде двух валов видна и в настоящее время (рис. 13, 14). Таким образом, по размерам и системе оборонительных сооружений Иднакар может быть отнесен к категории средневековых городов [Куза, 1996, с. 39; Моргунов, 2018, с. 101].

Первые письменные сведения о памятнике как объекте истории и археологии содержатся в материалах XIX в. В работе А. И. Вештомова по истории вятчан, написанной в 1807–1808 гг. и опубликованной в 1907 г., Иднакар упоминается в связи с описанием г. Глазова: «В трех верстах от г. Глазова находится городище на горе при реках Чепца и Пышма, оставшееся от городка вотяками... который назывался Игнакар» [Цит. по: Иванова, 1998, с. 5–6]. В IV томе «Землеописания Российской Империи для всех состояний» Е. Ф. Зябловского приводятся сведения о старинных городищах Глазовского уезда: «...первое расстояние от города около десяти верст на правой стороне Чепцы, где течет Пиза (совр. Пызеп); укреплено частью крутыми валами, а частью горою. Кроме некоторого числа бугров, находящихся внутри градского укрепления, в нем нет никаких достопамятных развалин... Первый называют они Илтакар...» [Зябловский, 1810, т. IV, с. 86].

Значительный вклад в изучение чепецких городищ внес А. А. Спицын, уроженец Вятской губернии. В 1887–1889 гг. он совершил поездки по р. Вятке и ее

Рис. 13. Вид с северо-запада на площадку городища Иднакар.

Фото М. А. Булдакова. 2010

притокам. В результате этих поездок им были подготовлены публикации в «Календарях Вятской губернии» (1888, 1889 гг.), обобщающая монография «Приуральский край. Археологические изыскания о древнейших обитателях Вятской губернии» (1893 г.), где чепецкие городища отнесены к чудской культуре периода VIII–X вв. н. э. [Иванова, 1998, с. 6].

Обстоятельное описание Иднакара содержится в работе Н. Г. Первухина, который привел данные по топографии местности и городища, сохранности культурного слоя. Им же собрана коллекция находок с памятника [Первухин, 1896, с. 66–70]. В довоенные годы проводятся уже и собственно археологические исследования площадки городища Иднакар. Помимо Н. Г. Первухина, памятник исследовал московский археолог С. Г. Матвеев (1927–1928 гг.). К материалам городища, по аналогии с исследованными городищами Дондыкар и Учкакар, обращался и А. П. Смирнов [Иванова, 1998, с. 9–10].

Последующее систематическое изучение чепецких городищ и других памятников региона проводилось Удмуртской археологической экспедицией, созданной в 1954 г. под руководством В. Ф. Генинга. Городище Иднакар обследовали разведочными работами УАЭ В. А. Семенов (1957 г.) и Г. Т. Кондратьева (1962 г.).

С 1974 г. начаты практически ежегодные стационарные исследования отрядами под руководством М. Г. Ивановой, продолжавшиеся по 2010 г. Таким

Рис. 14. Вид с северо-востока на площадку городища Иднакар.

Фото М. А. Булдакова. 2010

образом, за годы раскопок (1974–1978, 1980–1981, 1988–1995, 1997–2010 гг.) была исследована территория в 9446 кв. м, включая площадные исследования и траншеи. Всего заложено четыре условных раскопа (I–IV), работы на которых проводились в разные годы [Иванова, 1998, с. 11–14, табл. 1; Иванова, Отчет за 2010, с. 19]. Таким образом, к настоящему времени Иднакар является наиболее изученным в археологическом плане городищем финно-угорского средневековья (более 9 тыс. кв. м – 22,5 % площади).

В результате исследований раскопками были изучены все структурные части городища: три линии оборонительных укреплений, внутренняя часть городища, территория между средним и внешним валами, внешняя площадка. Был выявлен характер культурного слоя, изучены жилые, хозяйствственные, производственные сооружения [Иванова, 1998, с. 12, рис. 2; Иванов и др., 2004, с. 144–145]. Согласно данным раскопок, развитие поселения происходило путем расширения территории и усиления оборонительных укреплений. Городище основано в конце IX в. на высоком мысу. Первоначальная площадь, ограниченная внутренним валом и рвом, составляла около 10 тыс. кв. м. В X в. возведены новые укрепления – средний вал и ров, которые затем были увеличены. С XI в. начинает функционировать площадка за второй линией укреплений и, судя по всему, к этому же времени относится возведение третьей линии защиты. После

создания внешнего вала первая линия укреплений потеряла свое значение: верхнюю часть вала срыли и на этом месте разместились производственные сооружения [Иванов и др., 2004, с. 145–146]. Второй вал в это же время был усилен вдвое [Иванова, 1998, с. 81].

Огромные фонды источников, полученные в результате многолетних комплексных исследований, изучение отдельных категорий материалов методами естественных наук создали базу для реконструкции системы жизнеобеспечения, многих составляющих материальной и духовной культуры средневекового населения, открыли возможности новых подходов к интерпретации исторических явлений эпохи средневековья [Иванова, 1998; История Удмуртии..., 2007].

Богатейшим материалам Иднакара посвящено немало публикаций. Особое место занимают обобщающие работы автора раскопок М. Г. Ивановой. Среди них монография, посвященная систематизации материалов внутренней части городища (1974–1993 гг.) [Иванова, 1998]; публикация материалов исследований территории между вторым и третьим валом (раскопки 1989–1992 гг.) [Иванова, 1995]. Не изданным остался коллективный труд, обобщающий результаты междисциплинарных исследований на внешней площадке памятника (раскопки 1994–2010 гг.) (рукопись монографии включена в состав формирующегося в настоящее время личного фонда М. Г. Ивановой в Научном архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН). Многочисленные публикации М. Г. Ивановой и узких специалистов смежных отраслей затрагивают различные проблемы развития средневекового городища и вводят в научный оборот отдельные категории источников и результаты специальных анализов.

М. Г. Ивановой удалось убедительно доказать, что уже в ранний период своего функционирования Иднакар имел значение как военно-оборонительный, аграрно-ремесленный, торговый, культурный, общественно-административный центр консолидирующейся этносоциальной общности. Эволюция развития городища была в большей степени обусловлена потребностями внутреннего развития чепецкого региона, на территории которого в IX–XIII вв. было сосредоточено порядка десяти аграрно-ремесленных центров. М. Г. Ивановой выявлена внутренняя структура городища, определены этапы развития планировочной системы площадки памятника. Большое внимание при исследованиях уделялось изучению оборонительных сооружений и близости их конструкции памятникам булгарского типа [Иванова, 1998, с. 18–29]. Анализ хронологии вещевого материала позволил сделать вывод о том, что с момента своего возникновения в конце IX в. Иднакар на протяжении следующих 400 лет дважды расширял свою территорию, многократно усилив фортификационные возможности. Это связано как с интенсивным развитием производительных сил и демографическим ростом, так и с необходимостью защиты от усилившегося влияния Волжской Булгарии и Древней Руси [Иванова, 1998, с. 81]. Именно с внешними факторами М. Г. Иванова связывает и прекращение функционирования городища. Вызванные татаро-монгольским нашествием перемещения населения окружающих территорий в середине XIII в. прервали дальнейший процесс социально-экономического и этнокультурного развития чепецкого населения [Иванова, 1998, с. 240–242].

2.1. Клады из раскопов городища

Одно из самых ранних упоминаний кладов Иднакара имеется в работе Н. Г. Первухина 1896 г. В воспоминаниях респондентов фигурировали легенды о наличии сокровищ, хранящихся в земле городища и ближайших окрестностей. Этот факт явно свидетельствует о неоднократных находках кладов и ценных вещей, совершенных еще в XIX в. и ранее. Н. Г. Первухин сохранил для нас свидетельство об одной из крупных находок 1883 г., когда местная жительница обнаружила клад серебряных слитков общим весом около 6 кг [Первухин, 1896, с. 69; Иванов и др., 2004, с. 196].

За время археологических раскопок городища, которые проводились в общей сложности более 30 лет в течение XX в. и первого десятилетия XXI в., помимо богатейшего вещевого материала, было обнаружено четыре клада (рис. 16).

Первый клад обнаружен в ходе работ Удмуртской археологической экспедиции в 1976 г. (рис. 16-1, рис. 15, каталог: № 3–10). В центральной части городища, при работах на раскопе II между внутренним и средним валами, было вскрыто жилое сооружение (№ 1), под которым на нижнем горизонте выявились очертания ямы № 3 (участки ВГ/4–6). В заполнении объекта на участке В/5 были найдены четыре пары калачевидных серег из белого металла, перевязанные вместе колечком из аналогичного сплава и завернутые в бе-ресту (рис. 15). Помимо клада в яме были обнаружены следующие предметы: фрагменты тиглей, литейной формы, варган, привеска-колокольчик, бубенчик из цветного металла. Здесь же найдены два каменных прядильца, кочедыки (10 экз.), заготовки наконечников стрел (2 экз.) костяная пластина от футляра расчески, а также коррозированные железные предметы, скопления зерен злаков, в значительном количестве зафиксированы фрагменты лепной керамики и кости животных. В вышележащем пласте раскопа (100–120 см) обнаружен аббасидский дирхем X в. и, соответственно, хозяйствственные ямы этого пласта

относятся к наиболее раннему времени существования городища [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27]. Монета была отчеканена в промежутке 300–320 г. х. (912–932 гг. н. э.) и относится ко времени правления Ал-Мухтадира [Иванова, 1985, с. 21].

Яма № 3 подпрямоугольной формы имела размеры 170x210 см и глубину 130 см от уровня фиксации (рис. 17-1). На дно ямы был насыпан желтый песок, в котором обнаружено большое количество костей животных и разбитый толстостенный сосуд из глины с примесью крупнотолченой раковины.

Рис. 15. Клад калачевидных серег
[Иванова, Куликов, 2000, с. 24]

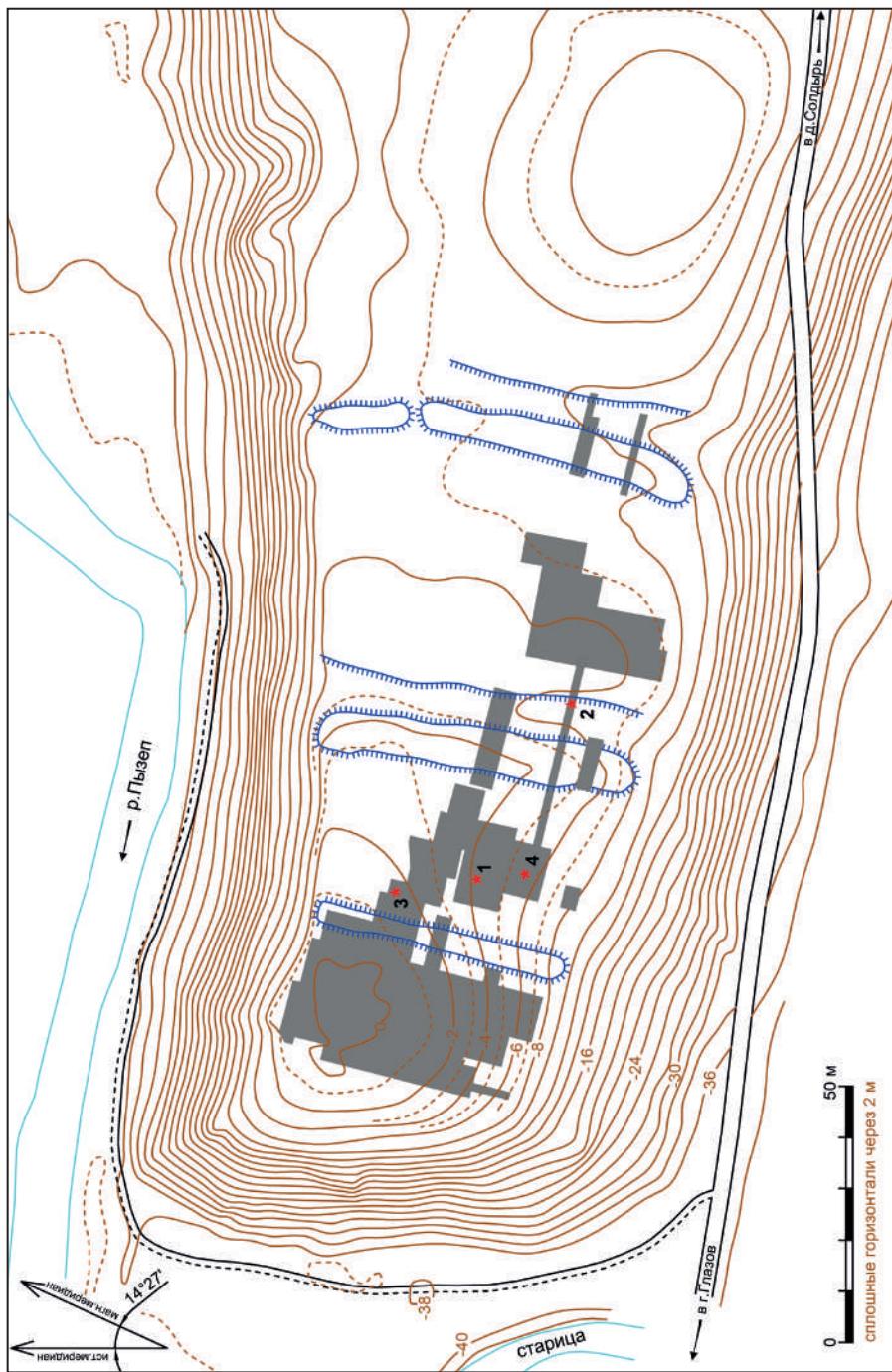

Рис. 16. Расположение кладов на топографическом плане городища Иднакар (съемка В. И. Морозова, А. Н. Кириллова).

1 – клад 1976 г., 2 – клад 1988 г., 3 – клад 1994 г., 4 – клад 1999 г.

Основной слой заполнения, в котором и были обнаружены все остальные находки, – темная гумусированная супесь с прослойками прокаленной глины. Яма была завалена в ранние периоды существования городища, о чем свидетельствует глиnobитное основание жилища № 1, западающее в яму и расположеное прямо на предматериковом слое [Иванова, Отчет за 1976, л. 28–29, чертежи 41, 42, 51].

Автором раскопок это сооружение отнесено к объектам хозяйственного и производственного назначения. С юга и севера площадка возле ямы была укреплена прокаленной глиной, к которой с юга примыкал дощатый настил. По контуру ямы фиксируются основания крупных опорных столбов диаметром до 60 см, что позволяет предположить наличие над ней навеса. Все это в совокупности с ассортиментом находок позволило М. Г. Ивановой говорить о производственном назначении ямы [Иванова, 1998, с. 66].

В 1988 г. на территории городища был найден завернутый в ткань клад (рис. 16-2), состоящий из двух пар шумящих подвесок и слитка металла – заго-

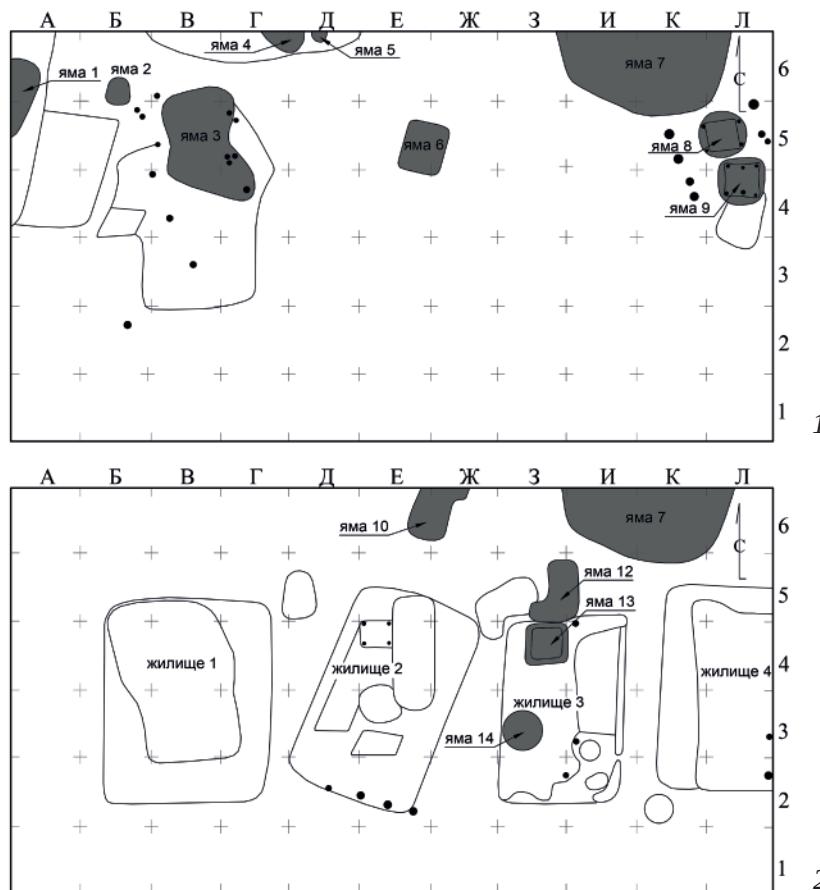

Рис. 17. Сооружения нижнего (1) и верхнего (2) горизонтов средней части городища Иднакар
[Иванова, 1998, с. 67]

товки со следами слома (каталог: № 11–15). При вскрытии траншеи, заложенной через средний вал и ров городища для изучения состояния культурного слоя, на участке с условным номером 19 на глубине 22–30 см от поверхности был обнаружен клад [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44а]. Он зафиксирован у восточного края рва в однородном слое темной глины к западу от очертаний заглубления с напольной стороны вала, заполненного глиной с углистыми включениями [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44]. Автор раскопок отмечает, что территория между средним и внешним валами начинала застраиваться не ранее XI в., возможно, даже в середине века, и функционировала в течение XII–XIII вв. [Иванова, 1995, с. 18].

Одним из самых необычных кладов для всего Чепецкого края стала находка двух чаш белого металла на городище в период раскопок 1994 г. (рис. 16-3,

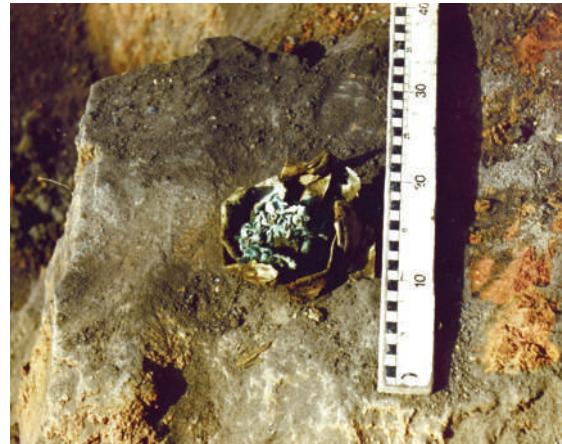

Рис. 19. Клад женских украшений в момент обнаружения, 1999 г.
[Иванова, Отчет за 1999, прил. 45]

Рис. 18. Солдырское I городище Иднакар, раскопки 1999 г.
Процесс вскрытия жилого сооружения
[Иванова, Отчет за 1999, прил. 17]

каталог: № 1, 2). Сложеные одна в другую, они залегали на глубине 55 см на уч. Ч/22 в слое гумусированной супеси заполнения бывшего рва внутренней линии укреплений – в средней части городища, между валами. По залеганию в слое автор раскопок М. Г. Иванова датирует эти предметы XI–XII в. [Иванова, Отчет за 1994, л. 7–8]. Она отмечает, что прежние находки сосудов восточной торевтики в бассейне р. Чепцы были сделаны за пределами памятников. По мнению

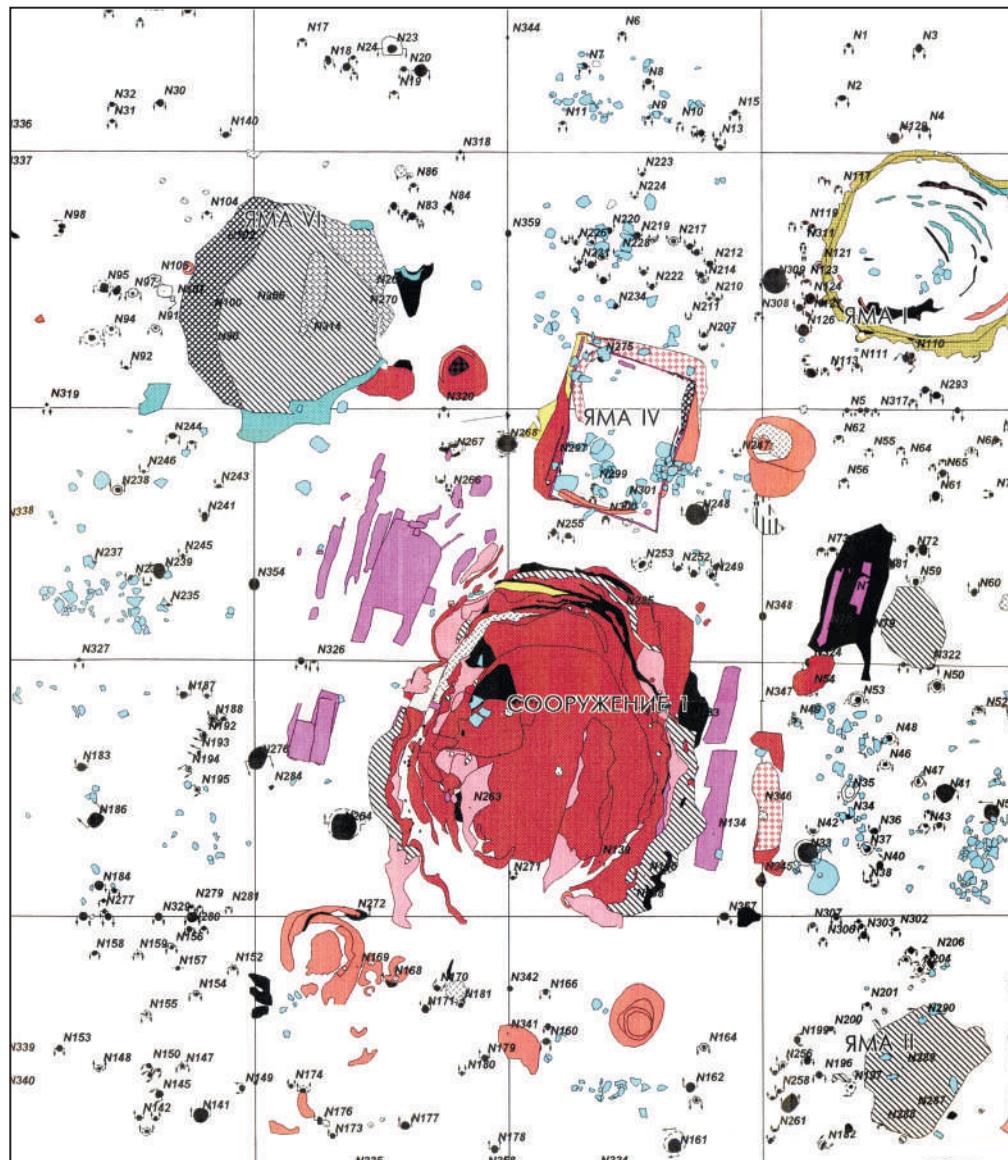

Рис. 20. Солдырское I городище Иднакар: раскопки 1999 г.

Схема расположения объектов сооружения № 1

[Иванова, Отчет за 1999, прил. 5]

М. Г. Ивановой, иднакарские чаши могли быть привезены из Волжской Булгарии [Иванова, 1998, с. 209].

Значительный по своему составу клад украшений в берестяной коробочке был обнаружен в 1999 г. под предполагаемым северо-восточным углом жилого сооружения № 1 на уч. аб/6-7* [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119], вскрытого в центральной части городища (рис. 16-4, 17–19).

Автор раскопок связывает нахождение клада в жилом помещении № 1 с домашним ювелирным (бронзолитейным) производством или строительной жертвой (рис. 20) [Иванова, Отчет за 1999, л. 46]. По аналогиям к предметам, содержащимся в кладе, он датирован в пределах X–XI вв. [Иванова, Отчет за 1999, л. 46], в то время как в пределах раскопа клад найден в наиболее поздней относительно других сооружений постройке [Иванова, Отчет за 1999, л. 37].

Итак, в пределах площадки городища клады сосредоточены в средней его части, между первой (скрытой) и второй линиями укреплений. Лишь клад 1988 г. (шумящие подвески и слиток металла) обнаружен за средним валом, в направлении напольной части городища. Рассматривая закономерности в распределении кладов по объектам/сооружениям, можно зафиксировать, что два из четырех кладов найдены в заполнении рвов внутренней (клад 1994 г.) и средней (клад 1988 г.) линий обороны. Клады также зафиксированы под предполагаемым углом жилого помещения (1999 г.) и в заполнении хозяйственной ямы (1976 г.). Датировка кладов разнится: по залеганию в слое относительно глубины находок и объектов, в которых и рядом с которыми они найдены, клады датированы от X в. до XII в. и относятся каждый к определенному периоду функционирования памятника.

2.2. Состав кладов и описание предметов

1. Клад 1976 г. (общий вес находок – 13,84 г)

Содержит четыре пары калачевидных серег из белого металла, а также проволочное кольцо (утеряно), скрепляющее серьги (рис. 16). Височные украшения состоят из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьги не имеют декора на своей поверхности, внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуя сгибы на лицевой части украшений. Проволочная дужка имеет разрыв в нескольких миллиметрах от нижней части серег (каталог: № 3–10).

Серебряные калачевидные серьги широко распространены на памятниках финно-угорского ареала в X–XII вв. [Голдина, Ютина, 2012, с. 453]. В бассейне р. Чепцы и на сопредельных территориях они найдены, в частности, в составе Рябиновского клада X в. [Иванов, 1997, с. 128] и Дондинских находок украшений [Иванов и др., 2004, с. 189]. В рассматриваемом ареале калачевидные серьги без

* Дана рабочая нумерация жилищ, использованная в Отчете о проведенных раскопках.

орнамента встречались в материалах Солдырского III (Иднакарского I) могильника XI–XII вв. [Солдырский III..., 2019, рис. 19-3–5], в погребальных комплексах X в. Омутницкого [Семенов, 1985, с. 97], Маловенижского [Иванова, 1982, с. 56], Весьякарского [Генинг, 1979, табл. II-3], Чиргинского [Иванова, 1982, с. 56] могильников. Известны они в Огурдинском могильнике X–XI вв. в комплексах XI в. [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 54, 14–16]. Аналогичные украшения найдены в комплексах XI в. Агафоновского II могильника [Голдина, Ютина, 2012, рис. 6-73], марийских погребальных памятниках IX–XI вв. [Никитина, 2012, рис. 27, 4, 5; 28,4; 98, 4 и др.]. Кроме того, эти украшения встречаются на северо-востоке Руси, на Урале и в Зауралье, но их прикамские истоки не вызывают сомнений [Макаров, 1989, с. 54–55; Руденко, 2015, с. 155]. В XI–XII вв. серьги получают дальнейшее развитие – на их поверхности появляется декор из зерни и скани, шатоны с вставленными камнями [Иванова, 1992, с. 39–40, рис. 11, 30–35; 47, 16]. Это позволяет М. Г. Ивановой, вслед за А. А. Спицыным, датировать иднакарские серьги из клада X в. [Иванова, 1985, с. 21].

2. Клад 1988 г. (общий вес находок – 374,81 г)

Состоит из двух пар шумящих подвесок и обломка слитка (каталог: № 11–15). Они были завернуты в ткань и зарыты за пределами рва средней линии укреплений на глубине 30 см. По общему облику и технике отливки подвески близки между собой.

Одна пара подвесок имеет подтреугольный литой щиток, центр которого сформирован треугольником из полуторошин, украшенным по периметру двумя рядами валиков и орнаментом из насечек. Край щитка обрамлен полосой из треугольников псевдозерни, которые расположены симметрично (по пять с каждой стороны). Верхняя часть щитка загнута назад, образуя петлю для крепления подвески. В нижней части основы имеется два кольца, промежуток между которыми декорирован треугольником из псевдозерни. К кольцам прикреплены две двухзвеневые цепочки, на концах которых подвешено по прорезному бубенчику (каталог: № 13, 14).

Эти подвески абсолютно идентичны находкам из погребений Солдырского I могильника Чемшай [Матвеев, 1929, табл. 19; Смирнов, 1952, табл. LII-1], находящегося в непосредственной близи от городища Иднакар. Это стилистическое и территориальное сходство свидетельствует о том, что Иднакар был центром их производства. По стилистическому оформлению они близки также подвескам из погребальных памятников бассейна р. Чепцы X–XIII вв.: Кузьминского, Кушманского [Русских, Сабирова, 2020, рис. 2], Качкашурского [Иванов, 1991, с. 153, рис. 7], Кыпкинского [Семенов, 1979, табл. 1, 1], Весьякарского [Генинг, 1979, табл. IV-6,7], Омутницкого [Семенов, 1985, рис. 4-4] и других могильников. Подвески с треугольным щитком с двумя-тремя привесками на цепочках из одного-двух звеньев встречаются также на территории лесной зоны Восточной Европы, чаще на памятниках марий, коми-пермяков. Но их принято считать одной из этноопределяющих украшений средневековых удмуртов [Голубева, 1982, с. 121; Иванова, 1999, с. 228, рис. 6, 15, 16]. Л. А. Голубева относит их к четвертому варианту V типа по классификации треугольных подвесок и датирует XI–XII вв. [Голубева, 1982, с. 113].

Вторая пара подвесок из этого клада имеет схожее с предыдущими украшениями оформление – к литой основе щитка с помощью цепочек крепятся привески (каталог: № 11, 12). Размеры этих подвесок значительно больше: их длина достигает 16 см. Такая разница объясняется особенностями использования – если первые, короткие, могли быть применены как обувное парное украшение, то вторые, более длинные, использовались при украшении груди или пояса. Подвески имеют подтреугольную основу, увенчанную тремя рядами валиков и двумя рядами псевдошнуров. Верхняя часть щитка загнута назад, образуя петлю для крепления. Центральное отверстие основы декорировано композицией, сформированной вертикальным псевдошнурком и треугольниками из псевдозерни. Край щитка обрамлен полосой из псевдозерни с аналогичными треугольниками. В нижней части основы имеется четыре гладких колечка, промежутки между которыми декорированы ромбами из псевдозерни. К ним прикреплены четыре цепочки с привесками-колокольчиками на концах. Каждая цепочка состоит из 7–9 звеньев, украшенных 3–5 рядами псевдошнуров, часть из которых декорирована насечками.

Шумящие украшения с длинными многозвеневыми цепочками на чепецких памятниках встречаются крайне редко. Близкая по форме подвеска с двумя привесками-бубенчиками на многозвеневых (15) цепочках приведена А. П. Смирновым в реконструкции головного убора по материалам Солдырского I могильника Чемшай [Смирнов, 1952, табл. LII-6]. Такие же подвески с двумя и тремя петлями и цепочками из 17-и и 20-и звеньев найдены в мариийском Починковском могильнике в составе нагрудного украшения и датированы XII в. [Архипов, 1986, рис. 24, 5, 6]. Л. А. Голубева отмечает, что увеличение количества петель и, соответственно, цепочек, характерно для более поздних экземпляров [Голубева, 1982, с. 120].

Металлический слиток в виде стержня подтреугольного сечения длиной около 12 см имеет следы отделения части металла с одной стороны (каталог: № 15). Срез металла неровный, поверхность его пористая. Слиток имеет изгиб, происхождение которого связано с процессом отделения металла, необходимого для очередной отливки.

Металлические заготовки, аналогичные слитку из клада, не являются единичными находками. Они встречаются в материалах чепецких укрепленных поселений. В коллекции городища Иднакар, кроме тех, которые входят в состав кладов, найдены подобные стержни-слитки полукруглого или подтреугольного сечения длиной 22,5 см и 42,0 см [Иванова, Куликов, 2000, рис. 249, 250], а также каменные и керамические формы разных размеров для их отливки [Иванова, 1998, рис. 53, 2, 4–6]. В материалах городища Гурьякар найдена близкая по форме заготовка подтреугольного сечения длиной 22,5 см [Иванова, 1982, с. 17]. Слитки, обнаруженные на городище Учкакар, имеют форму стержня округлого сечения и значительно меньшие размеры (16 и 18 см) [Междисциплинарные исследования..., 2018, с. 117, рис. 4.17–42–43].

В целом находки из этого клада имеют прямые аналогии в материалах памятников, расположенных в непосредственной близости от городища Иднакар.

Их внешний вид и устройство маркируют региональную специфику чепецкой культуры. Датирующими для клада являются шумящие подвески под треугольной формы. Л. А. Голубева включила аналогичные шумящие подвески в состав украшений XI–XII вв. и полагала, что после XII в. они уже неизвестны [Голубева, 1982, рис. 2, 24, с. 121]. Т. Б. Никитина по весьма представительным новым находкам в мариийских погребальных комплексах включила их в группу украшений XII–XIII вв. [Никитина, 2012, рис. 31–86]. Кроме того, по наблюдениям исследователей, на верхнекамских памятниках цепочки с аналогичными звенями получили распространение с середины XI в. и стали преобладающими вплоть до XIV в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 130, 134]. По-видимому, за основу для хронологического обоснования клада логично принять аналогии в средней части Иднакара в комплексе украшений XI–XII вв. [Иванова, 1998, с. 78–80, рис. 27].

3. Клад 1994 г. (общий вес находок – 209,12 г)

Состоит из двух чащ белого металла (каталог: № 1, 2) и является уникальной находкой для Солдырского I городища. Сложеные одна в другую, чаши залегали в слое рыхлой гумусированной супеси заполнения рва внутренней линии оборонительных укреплений на глубине 55 см. Одна из них гладкая, имеет полусферическую форму диаметром 13,5 см и высотой 3,5 см (каталог: № 1). Другая имеет рельефную поверхность и украшена чеканкой: 14 ложков окаймлены контуром из круглых углублений, выполненных чеканом снаружи. На выделенном медальоне дна чеканкой выполнены четыре пальметты с растительными мотивами (в центре – крестообразная пальметка). Диаметр чаши 12,5 см, высота 4 см. На стенках обоих сосудов пробиты небольшие круглые отверстия, возможно для крепления рукояти.

По залеганию в культурном слое чаши датированы автором раскопок XI–XII вв. [Иванова, Отчет за 1994, л. 7–8; Иванова, 1998, с. 209]. Следует иметь в виду, что прежние находки сосудов восточной торевтики на Чепце были сделаны за пределами памятников – всего учтено восемь кладов, содержащих разнообразную посуду (кувшины, блюда, кружка, ведро). Их истоки исследователи обнаруживают в Византии и восточных районах Средней Азии. Почти все они (Седлярский, Ягошурский, Омутницкий, Утемильский, Турушевский, Уканский, Чуринский) попадают в хронологические рамки VII–X вв.; только Карасевский клад датируется X–XII вв. (табл. 1). По мнению М. Г. Ивановой, иднакарские чаши могли быть привезены из Волжской Булгарии, что косвенно подтверждается наличием в культурном слое внутренней и средней частей городища гончарной посуды булгарских форм [Иванова, 1998, с. 209].

А. Г. Иванов также относит указанные чаши к изделиям торевтов Волжской Булгарии, отмечая, что иднакарские находки могут быть сравнены с полусферическими чашами из материалов ряда средневолжских могильников начала II тыс. н. э. (Веселовский, Нижняя Стрелка, Дубовский, Малышевский и др.) [Иванов, 1997, с. 130]. К. А. Руденко видит истоки происхождения неорнаментированной чаши (каталог: № 1) в Центральной Азии, где подобные формы имели хождение в VIII–IX вв. Вторая чаша, по его мнению, имеет европейское (включая территорию Древней Руси) или византийское происхождение и, таким

образом, маркирует русское направление связей Удмуртского Предуралья в XII в. [Руденко, 2021, с. 474]. Как видно, вопрос определения иднакарских чаш до настоящего времени остается открытым, поскольку абсолютных аналогий этим находкам не обнаружено. В связи с этим, при анализе истоков поступления импорта следует опираться на совокупность технических и стилистических черт изделий, определяющих их облик. Безусловно, авторы не являются специалистами в области восточной торевтики, но богатый корпус опубликованных источников по данной проблеме позволяет обнаружить среди всего многообразия восточных художественных изделий ряд относительно близких аналогий. Наличие ложков и декора в виде выпуклых кружков, чеканенных с оборотной стороны на одной из иднакарских чаш (каталог: № 2), приближает ее к согдийским сосудам VII–VIII вв. и посуде из восточных районов Средней Азии VIII–IX вв. Согласно данным В. П. Даркевича, ведущими формами данных территорий были именно ложчатые чаши на поддоне и гладкие чаши с поддоном или без него, а также некоторые другие виды посуды. Кроме того, признаком согдийского декора считается пальметта с «растрапанными» лепестками, в какой-то степени схожая с мотивами орнамента иднакарской чаши [Даркевич, 1976, с. 85–100, рис. 10; табл. 11-1; табл. 13, табл. 22]. Совокупность данных анализа визуальных признаков одной из иднакарских чаш позволяет сделать предположение о ее среднеазиатском происхождении, но источник поступления импорта, учитывая, что обе чаши датированы последней четвертью I тыс. н. э., а обнаружены в слое XI–XII вв., достоверно установить невозможно. Они с одинаковой степенью вероятности могли попасть на Иднакар с русских и булгарских территорий.

По данным погребальной обрядности финно-угров эпохи Средневековья, в том числе и удмуртов, в сосудах из глины, железа, бронзы, бересты размещали ритуальную пищу и жертвенные дары. По мнению ряда ученых, привозная серебряная утварь могла служить в качестве священной реликвии на культовых памятниках или использоваться в качестве столовой посуды во время ритуального поедания жертвенной мясной пищи [Шутова, 2001, с. 184–186]. Небольшой объем иднакарских сосудов позволяет предполагать их назначение для ритуальных напитков.

4. Клад 1999 г. (общий вес находок – 198,09 г)

Состоит из металлических женских украшений. Он был обнаружен под предполагаемым северо-восточным углом жилого сооружения № 1 в средней части площадки городища (каталог: № 16–62). В его состав входили помещенные в берестяную коробочку прямоугольной формы украшения женского головного убора, заготовки колец, фрагменты бронзовых пластин и слиток белого металла.

Коньковые подвески (2 экз., каталог № 19–20) сходны по своим размерам и общим очертаниям, имеют плоский щиток со стилизованным изображением двух противоположно направленных конских голов, украшенных насечками. Между головами в верхней части находится отверстие для подвешивания, в центральной части – подтреугольное отверстие, по нижнему краю подвески – четыре отверстия для привесок. Подвески являются двусторонними: задняя часть

по декору и рельефу идентична передней. Привески представлены цепочками якорного плетения из круглых в сечении проволочных звеньев со слегка разомкнутыми концами. Две центральные цепочки состоят из пяти звеньев и оканчиваются привесками в форме уплощенных утиных лапок у одного экземпляра (каталог: № 19) и в форме колокольчика у другого (каталог: № 20). Остальные цепочки состоят из 4–5 звеньев и не имеют привесок. При этом в составе клада содержатся и отдельные привески-колокольчики (каталог: № 23–26). Коньковая подвеска аналогичной формы и размеров, отличающаяся лишь формой прорези (округлой) и количеством звеньев в цепочках (от трех до пяти) имеется и в комплексе захоронения № 473 IX в. Варнинского могильника [Иванов, Отчет за 1994]. В захоронении № 207 Танкеевского могильника аналогичная подвеска, снабженная коническими привесками на цепочках из семи проволочных звеньев, датирована X в. [Казаков, 1992, рис. 64-11].

Полые зооморфные подвески (каталог: № 21–22) по форме туловы близки к птицевидным (уточкам), но форма головки с торчащими ушками сближает их с коньковыми. По поверхности туловы одной из них наложен зигзагообразный валик с насечками, ограниченный по верхнему полю выступающим гладким валиком. Другая украшена волнообразным валиком с насечками. К двум петлям по бокам фигурки на восьмеркообразных звеньях с тремя рядами насечек посередине привешены изогнутые привески-лапки. Аналогии подвескам обнаружены в Кузьминском могильнике XI–XIII вв. [Иванова, 1992, рис. 14-4], в Солдышском III (Иднакарском I) могильнике XI–XII вв. [Солдышский III..., 2019, рис. 18-8]. Встречаются они также в вымских материалах, где датируются XIII–XIV вв. [Иванова, 1992, с. 45].

Перстень шумящий (каталог: № 18) представляет собой уплощенный ободок, украшенный имитацией витого шнура. Щиток овальной формы декорирован косичкообразным узором. В нижней части овала щитка прикреплены три кольца с треугольниками из псевдозерни между ними. К двум крайним кольцам за звенья подвешены изогнутые привески-лапки. Дополнительно кольцо и щиток украшены псевдошнурком. Близкий по форме перстень с шумящими привесками имеется в публикациях А. П. Смирнова [Смирнов, 1952, рис. LI-8] и А. А. Спицына с Верхней Камы. Последний датирует такие находки XI в. [Спицын, 1902, табл. XV-3, с. 57]. Аналогичные изделия встречены также в материалах марийского могильника Черемисское кладбище [Никитина, 2012, рис. 109-1].

Пластинчатый браслет (каталог: № 59) с несокмнутыми концами и несколько утолщенной средней частью пластины имеет в сечении подтреугольный профиль. Браслеты такого типа отнесены М. В. Седовой к категории узкомассивных, то есть имеющих в сечении форму сегмента, овала, вытянутого шестиугольника или треугольника [Седова, 1981, рис. 35].

Пронизки-бусины из состава клада представлены одночастными фланкновидными пронизками-бусинами (3 экз., каталог: № 31–33), бусинами с рубчатыми манжетами на одном или обоих концах (3 экз., каталог: № 29–30, 34) и двухчастными бусинами-флакончиками (2 экз., каталог: № 27–28). Они в больших количествах представлены в поломско-чепецких могильниках: в материалах

Омутницкого, Кыпкинского, Весьякарского, Большесазановского могильников, могильника Чемшай и др. [Семенов, 1985, рис. 5-10–20; Генинг, 1979, табл. II-7, 8; Иванова, 1998, рис. 56-2–5, 11; Семенов, 1979, табл. 1-15]. В целом, они широко распространены в финно-угорско-славянском ареале севера Восточной Европы [Иванов, 1997, с. 241]. В чепецком регионе этот тип пронизок-бусин появляется с середины IX в. и остается популярным на протяжении всего поломско-чепецкого времени [Семенов, 1985, с. 111].

Пуговицы (2 экз., каталог: № 36–39) имеют грушевидную форму. Каждая пуговица состоит из двух полых половинок, поверхность которых украшена продольными желобками, формирующими рельеф. Незначительные различия в форме пуговиц позволили четко определить пары половинок – одна пуговица более округлая (каталог: № 36–37), другая имеет выраженную грушевидную форму (каталог: № 38–39). Половинка рифленого бубенчика грушевидной формы известна в материалах внешней части городища Иднакар, датирующейся XI–XII вв. [Иванова, 1995, рис. 9-7]; Кушманского городища [Междисциплинарные исследования..., 2018, с. 124] и древнемарийских могильниках IX–XI вв. [Никитина, 2012, рис. 112-20; рис. 143-5].

Привески в кладе 1999 г. делятся на бубенчики и колокольчики. Группа привесок-бубенчиков шарообразной формы состоит из шести целых экземпляров и девяти половинок (каталог: № 40–54). Декоративными элементами выступают рубчики (желобки), маркирующие среднюю линию окружности шара и имитирующие шов на его нижней половине. Аналогичные бубенчики зафиксированы в погребениях Омутницкого могильника IX–XII вв. [Семенов, 1985, рис. 3-33], могильника Чемшай XI–XIII вв. [Иванова, 1987, рис. 7-17], Солдырского III (Иднакарского I) могильника XI–XII вв. [Солдырский III..., рис. 20-17–19], Весьякарского могильника IX–XII вв. [Генинг, 1979, табл. II-12] и других памятников чепецкого круга. Объемные привески-колокольчики без элементов декора имеют тонкое ушко для подвешивания и расширенное книзу полое тулово (4 экз., каталог: № 23–26).

Поясная накладка (каталог: № 35) подтреугольной формы со штифтом на обороте для крепления к ремню (скорее всего, штифтов было два). На лицевой поверхности прослеживается изображение трилистника с окружностями между лепестками. Аналогии поясной накладке в форме трилистника с двумя штифтами для крепления на обороте имеются в коллекции Качкашурского I могильника IX–XIII вв. (погр. № 57; 3 экз.) [Иванов, 1991, рис. 9-17]. Близкие типы встречаются в материалах булгарских поселений и погребальных памятников X–XI вв. [Казаков, 1992, рис. 102-21, 24].

Умбоновидные бляшки, украшенные по окружности треугольниками с имитацией зерни, имеют на лицевой поверхности выпуклые концентрические валики, а на обороте – петлю для крепления (2 экз.; каталог: № 16–17). На Верхней Каме аналоги датируются X–XI вв. [Голдина, Ютина, 2012, рис. 6-77; Крыласова и др., 2014, рис. 266-26, 288-70].

В коллекции клада 1999 г. имеются также пластинчатые кольца с несомкнутыми, слегка расширенными концами (2 экз.; каталог: № 55–56) и круглое

в сечении одновитковое проволочное кольцо (каталог: № 57). Единственной неметаллической находкой из этого клада является круглая в сечении одночастная зонная бусина из глухого стекла черного цвета (каталог: № 60).

К предметам производственного цикла относятся незаконченные изделия и заготовки. Это нераскованная заготовка кольца подтреугольного сечения (каталог: № 58), металлическая трубочка диаметром 1,7 см, длиной 1,5 см, от которой могли отделять необходимую для изготовления кольца часть и расковывать по ширине (каталог: № 61); обломок слитка белого металла подпрямоугольной формы и плоско-выпуклого сечения длиной 4,4 см со следами резки с одной стороны (каталог: № 62).

Следует отметить, что в составе клада женских украшений не все предметы являются новыми. Об этом свидетельствуют стертость поверхности и поломки некоторых деталей. Часть вещей, особенно привески-колокольчики, не только не были в употреблении, но даже не были завершены. Эти детали, а также наличие заготовки металла позволяет предполагать их принадлежность мастеру-ювелиру (аналогично Кузебаевскому кладу ювелира VII в., обнаруженному в 2004 г. на юге Удмуртии, и включающем кроме украшений ювелирные инструменты, заготовки и отходы производства) [Останина и др., 2011].

По мнению М. Г. Ивановой, изготовителем украшений из клада 1999 г. могла быть женщина. Исследователь считает, что косвенным подтверждением существования в обществе женщин-литейщиц, а также домашнего характера женского ювелирного ремесла, является как состав клада, содержащий и женские украшения, и заготовки, и слиток, так и место его обнаружения (жилое сооружение) [История Удмуртии..., с. 264]. Впрочем, М. Г. Иванова не исключала и связи этого клада со строительной жертвой.

В целом, описанный комплект украшений характерен для памятников бассейна р. Чепцы и находит широкие аналогии в марийских и верхнекамских древностях конца I – начала II тысячелетия н. э. По залеганию в культурном слое средней части городища, приведенным аналогиям в чепецких, марийских и верхнекамских памятниках, клад датирован М. Г. Ивановой X–XI в. [История Удмуртии..., с. 264].

Таким образом, все четыре иднакарских клада содержат показательный инвентарь, позволяющий определить дату сокрытия кладов, а также предположить их характер. Общая датировка обнаруженных комплексов укладывается в рамки X–XII вв., то есть в период расцвета городища Иднакар. Анализ состава кладов позволяет предположить активное развитие местной металлообработки. Находки 1988 и 1999 гг. содержат предметы производственного цикла. Несомненно также наличие обширных торгово-экономических связей, о чем свидетельствуют чаши из клада 1994 г., а также наличие многочисленных кладов этого времени с предметами импорта. Вместе с тем, три клада из четырех состоят из вещей местного производства, что косвенно указывает на большие объемы изготавливаемой продукции, которая предназначалась не только для собственного использования, но и для обеспечения товарами население округи городища.

Глава 3.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ИЗ КЛАДОВ ГОРОДИЩА ИДНАКАР

Одним из приоритетных направлений современной археологии является анализ отдельных категорий источников методами естественных наук. Использование материаловедческих методов при изучении предметов материальной культуры позволяет устанавливать их природу и восстанавливать отдельные технологические аспекты обработки древних материалов. Особенно востребованными являются методы неразрушающего контроля, среди которых наиболее широко применяется рентгенофлуоресцентный анализ (РФА).

Благодаря исследованиям, начатым в 1990-е гг. коллективами МГУ и ИА РАН и подхваченными другими научными центрами, к настоящему времени созданы репрезентативные базы данных по составу археологического металла, охватывающие широкие территориальные и хронологические рамки [Сапрыкина, Пельгунова, 2013]. В Удмуртской Республике первые исследования по определению цветного археологического металла относятся к 2006 г. [Орехов, 2006]. Активно материалы Камско-Вятского региона изучаются с 2010 г. К настоящему времени проанализирован элементный состав выборочной коллекции памятников археологии широкого временного и культурного диапазона. Создана унифицированная база данных металлических сплавов, обеспечивающая возможность корректного сравнения результатов и обобщения данных не только с синхронными памятниками, но и с более ранними по времени материалами [Перевощикова, Сабирова, 2014].

С 2016 г. авторами монографии ведется планомерное исследование металлических сплавов чепецкой археологической культуры IX–XIII вв. В рамках реализации проектов по грантам РФФИ 2016–2018 гг. (проект № 16–11–18009 «Цветной металл Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв. в контексте производственных традиций эпохи средневековья»; проект № 18–49–183002 «Цветной металл средневековых памятников бассейна реки Чепцы: рецептуры и сплавы по данным естественно-научных исследований») методом РФА были исследованы представительные выборки различных категорий металлических изделий ряда чепецких

средневековых поселений. Среди них – городища Учкакар и Иднакар, Кушманское III селище, а также ряд погребальных памятников (Солдырский III (Иднакарский I), Кузьминский, Кушманский могильники) [Русских, Сабирова, 2018, 2020].

Текущая работа является продолжением исследования состава изделий из цветных металлов, найденных при раскопках городища Иднакар. Реализация проекта способствует расширению аналитической базы данных археологического металла Камско-Вятского междуречья. Исследования элементного состава металлических изделий из иднакарских кладов выполнены кандидатом технических наук, старшим научным сотрудником ФТИ УдмФИЦ УрО РАН А. Н. Бельюковым и младшим научным сотрудником И. К. Аверкиевым. При производстве работ использовано оборудование Центра коллективного пользования «Центр физических и физико-химических методов анализа, исследования свойств и характеристик поверхности, наноструктур, материалов и изделий» УдмФИЦ УрО РАН. Данное структурное подразделение занимается научными разработками и исследованиями в области физики и химии поверхности новых материалов. Имеющиеся в распоряжении методики и оборудование позволяют проводить широкий спектр междисциплинарных исследований, в том числе в области археологии: неразрушающий контроль объектов археологических исследований. В 2019 г. ЦКП признан одним из победителей конкурса ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» с темой «Поддержка и развитие центра коллективного пользования научным оборудованием «Центр физических и физико-химических методов анализа, исследования свойств и характеристик поверхности, наноструктур, материалов и изделий» УдмФИЦ УрО РАН для обеспечения реализации приоритетов научно-технологического развития». За счет средств данного гранта был приобретен, в частности, сканирующий электронный микроскоп Thermo Fisher Scientific Quattro S, оснащенный системой рентгеновского микроанализа EDAX Octane Elect Plus. Благодаря этому были созданы все условия для проведения комплексных междисциплинарных исследований.

3.1. Методика исследования

В исследуемую выборку попали 60 предметов из четырех иднакарских кладов. Численный состав коллекций различается в зависимости от размеров клада. В первом из них проанализирована поверхность семи височных подвесок (калачевидных серег), во втором случае исследована поверхность двух металлических сосудов, в третьем и четвертом кладах изучено 5 и 46 изделий соответственно.

Количественный элементный анализ образцов был выполнен методом электронно-зондового микроанализа с помощью энергодисперсионного спектрометра Octane Elite Plus (EDAX), входящего в состав растрового электронного микроскопа Quattro S (Thermo Fisher Scientific). Анализ результатов проводился с использованием стандартного программного обеспечения APEX (EDAX) по безэталонной ZAF методике, учитывающей поправки на атомный номер (Z),

поглощение рентгеновского излучения (A) и флуоресценцию (F), в соответствии с ГОСТ Р ИСО 22309-2015. Суммарная неопределенность анализа для большинства образцов не превышает 5 %. Большие значения неопределенности в отдельных случаях связаны со значительным рельефом образцов и поверхностными загрязнениями органического происхождения.

Процедура исследования состояла из этапов по подготовке образцов, измерению, анализу спектра и получению результатов. Подготовка заключалась в креплении образцов к установочному столику при помощи углеродного скотча (рис. 21-1); после чего происходила откачка из камеры воздуха и охлаждение микроанализатора до -40°C . Место взятия пробы, то есть область съемки, на которую направляется электронный пучок, сканирующий поверхность, определялся в ручном режиме на оптическом изображении, полученном с помощью навигационной камеры электронного микроскопа (рис. 21-2). Приоритет отдавался участкам поверхности, максимально свободным от естественных загрязнений.

Электронно-микроскопические изображения получались с небольшим увеличением (не более чем стократно) с помощью детектора вторичных электронов Эверхарта-Торнли (ETD) и детектора обратно-рассеянных электронов (DBS).

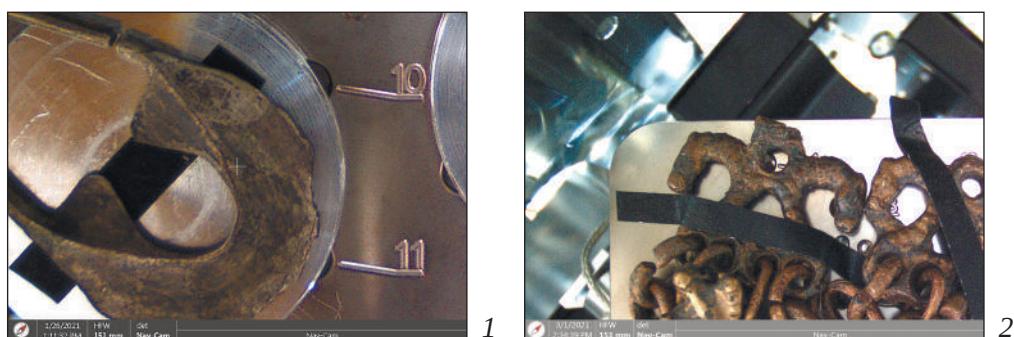

Рис. 21. Крепление образца на установочный стол:

1 – калачевидная серьга (каталог: № 4), 2 – шумящая подвеска (каталог: № 19)

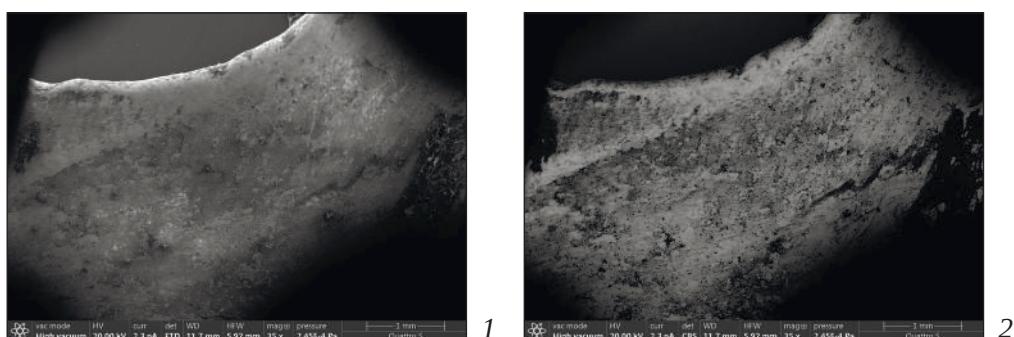

Рис. 22. Макросъемка рельефа поверхности калачевидной серьги (1)

и фазового контраста образца (2)

Рис. 23. Места проведения анализа состава металла на поверхности изделий из кладов 1976, 1988, 1994 гг. (номера изделий соответствуют их номеру в каталоге, номера анализов соответствуют данным в табл. 3)

Рис. 24. Места проведения анализа состава металла на поверхности изделий из клада 1999 г. (номера изделий соответствуют их номеру в каталоге, номера анализов соответствуют данным в табл. 3)

ETD-изображения вторичных электронов передают рельеф поверхности (рис. 22-1), а DBS-изображения обратно-рассеянных электронов отражают фазовый контраст (рис. 22-2), что позволяет различать поверхностные загрязнения органического происхождения от основы образца, а также вариации состава.

Место взятия пробы на поверхности каждого изделия зафиксировано на фотоизображении образцов (рис. 23, 24).

3.2. Результаты анализа поверхности изделий

Данные об элементном составе сведены в итоговую аналитическую таблицу, которая содержит информацию о процентном соотношении сплавообразующих элементов, а также тип сплава, установленный на основании присутствия тех или иных элементов (табл. 3). Результаты объединены в группы по кладам, что дополнительно подчеркнуто цветом ячеек. Сначала представлены результаты измерений находок из клада 1994 г. (рис. 23-1–2), затем – из клада 1976 г. (рис. 23-4–10), далее – из клада 1988 г. (рис. 23-11–15) и из клада 1999 г. (рис. 24). Помимо сведений о процентном содержании металлов, в строках таблицы представлены индивидуальные сквозные номера анализов, позволяющие быстро соотнести их с фотографиями материала, а также паспортная информация находок с указанием их индивидуального музейного шифра (коллекции кладов находятся на постоянном хранении в фондах БУК УР «Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики “Иднакар” им. М. Г. Ивановой»).

Всего было выполнено 79 анализов с поверхности 60 предметов. В случае если изделие имело сложную конфигурацию или характеризовалось особенностями поверхности, исследователями принималось решение о проведении дополнительных измерений.

Таблица 3
Элементный состав изделий из цветных металлов иднакарских кладов

№	Название	Шифр	Тип сплава	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb
1	Чаша	A-26/262	Ag		3,98			96,02		
2	Чаша: стенка	A-26/263	Ag		2,18			97,82		
3	Чаша: дно	A-26/263	Ag		2,52			97,48		
4	Чаша: орнамент	A-26/263	Ag		2,37			97,63		
5	Серьга калачевидная	A-10/3	Ag		31,09			68,91		
6	Серьга калачевидная щиток	A-10/4	Ag		18,45			81,55		
7	Серьга калачевидная ручка	A-10/4	Ag		16,33			83,67		

Продолж. табл. 3

№	Название	Шифр	Тип сплава	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb
8	Серьга калачевидная потек металла	A-10/4	CuZnSnPb		86,48	7,5			3,14	2,88
9	Серьга калачевидная	A-10/5	Ag		12,34			87,66		
10	Серьга калачевидная	A-10/6	Ag		12,12			87,88		
11	Серьга калачевидная щиток	A-10/7	Ag		8,5			91,5		
12	Серьга калачевидная дужка чистая	A-10/7	Ag		10,34			89,66		
13	Серьга калачевидная дужка затемнение	A-10/7	Ag		19,25			80,75		
14	Серьга калачевидная	A-10/8	Ag		10,83			89,17		
15	Серьга калачевидная	A-10/9	Ag		19,95			80,05		
16	Подвеска шумящая щиток	A-12/566	CuZnPb		80,94	2,13				16,93
17	Подвеска шумящая цепочка	A-12/566	CuPb		70,54					29,46
18	Подвеска шумящая щиток	A-12/568	CuZnSnPb	2,39	73,6	2,43			15,89	5,69
19	Подвеска шумящая цепочка	A-12/568	CuSnPb		83,58				9,05	7,38
20	Подвеска шумящая щиток	A-12/570	CuSn	2,59	88,75				8,66	
21	Подвеска шумящая цепочка	A-12/570	CuZn		95,86	4,14				
22	Подвеска шумящая привеска	A-12/570	CuZnSnPb		75,95	5,31			3,41	15,33
23	Подвеска шумящая щиток	A-12/571	CuZn		94,62	5,38				
24	Подвеска шумящая цепочка	A-12/571	CuZn		95,11	4,89				

Продолж. табл. 3

№	Название	Шифр	Тип сплава	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb
25	Подвеска шумящая привеска	A-12/571	CuZnPb		86,13	8,07				5,8
26	Слиток металла	A-12/926	CuZn		87,95	12,05				
27	Поясная накладка (бляшка)	A-27/447	CuSn		95,82				4,18	
28	Поясная накладка (бляшка)	A-27/448	CuSn		96,47				3,53	
29	Перстень шумящий ободок	A-27/449	CuSn		92,01				7,99	
30	Перстень шумящий привеска	A-27/449	CuSn	1,9	89,47				8,63	
31	Подвеска шумящая щиток	A-27/450	CuSn		95,32				4,68	
32	Подвеска шумящая привеска	A-27/450	CuSn		91,13				8,87	
33	Подвеска шумящая щиток	A-27/451	CuSn		93,68				6,32	
34	Подвеска шумящая цепочка	A-27/451	CuSn		98,93				1,07	
35	Подвеска шумящая щиток	A-27/452	CuSn	1,64	90,55				7,81	
36	Подвеска шумящая привеска	A-27/452	CuSn	1,54	88,34				10,12	
37	Подвеска шумящая щиток	A-27/453	CuSn		96,43				3,57	
38	Подвеска шумящая привеска	A-27/453	CuSn		98,2				1,8	
39	Привеска- колокольчик	A-27/481	CuSnAsAg		88,16		2,28	0,78	8,78	
40	Привеска- колокольчик	A-27/482	CuSn		98,75				1,25	
41	Привеска- колокольчик	A-27/483	CuSn		96,12				3,88	
42	Привеска- колокольчик	A-27/484	CuSn		98,88				1,12	
43	Пронизка- бусина	A-27/457	CuZnPb	1,3	72,44	20,73				5,53

Продолж. табл. 3

№	Название	Шифр	Тип сплава	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb
44	Пронизка-бусина	A-27/458	CuZnPb		88,68	8,86				2,47
45	Пронизка-бусина	A-27/455	CuSn		97,56				2,44	
46	Пронизка-бусина	A-27/456	CuZn		86,77	13,23				
47	Пронизка-бусина	A-27/459	CuZn	0,97	89,48	9,55				
48	Пронизка-бусина	A-27/460	CuZn		86,74	13,26				
49	Пронизка-бусина	A-27/461	CuZnPb		77,99	17,07				4,95
50	Пронизка-бусина	A-27/454	CuSnPbAs		68,04		3,9		20,63	7,43
51	Накладка поясная	A-27/492	CuZnSnPb	2,66	66,52	2,09			17,62	11,11
52	Пуговица	A-27/463	CuSnPb		92,71				3,38	3,91
53	Пуговица	A-27/464	CuSnPb		90,64				6,55	2,81
54	Пуговица	A-27/462	CuSn		97,43				2,57	
55	Пуговица	A-27/465	CuZnSnPb		82,77	12,77			3,88	0,58
56	Привеска-бубенчик	A-27/466	CuZnSn	2,42	90,13	5,75			1,7	
57	Привеска-бубенчик	A-27/467	CuZnSnAs		92,01	3,52	2,3		2,17	
58	Привеска-бубенчик	A-27/477	CuZnSnPb		85,94	3,9			3,28	6,89
59	Привеска-бубенчик	A-27/478	CuZnSnPbAs		51,85	2,79	3,03		18,24	24,09
60	Привеска-бубенчик	A-27/479	CuZnSn		92,94	4,98			2,08	
61	Привеска-бубенчик	A-27/480	CuZnSnPb		88,34	4,76			2,19	4,71
62	Привеска-бубенчик	A-27/468	CuZnSnAs		91,23	3,2	2,93		2,64	
63	Привеска-бубенчик	A-27/469	CuZnSnPb	1,23	81,76	4,85			3,81	8,35
64	Привеска-бубенчик	A-27/470	CuZnSnPbAs		83,06	3,95	2,55		5,81	4,63
65	Привеска-бубенчик	A-27/471	CuZnSnAs		86,92	8,49	2,79		1,81	
66	Привеска-бубенчик	A-27/472	CuZnSnPbAs		83,56	4,91	4,19		2,65	4,69
67	Привеска-бубенчик	A-27/473	CuZnSnPb	0,63	86,69	3,1			3,16	6,42
68	Привеска-бубенчик затек	A-27/473	Pb		1,32	1,38				97,31

Оконч. табл. 3

№	Название	Шифр	Тип сплава	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb
69	Привеска-бубенчик	A-27/474	CuZnSnPbAs	1,37	87,11	4,13	2,27		2,19	2,93
70	Привеска-бубенчик	A-27/475	CuZnSnAs		87,77	2,79	5,43		4,01	
71	Привеска-бубенчик	A-27/476	CuZnSnAs	0,81	90,47	2,81	3,15		2,76	
72	Привеска-бубенчик затек	A-27/476	Pb							100
73	Кольцо	A-27/486	CuSn		97,19				2,81	
74	Кольцо	A-27/487	CuSnAg		75,48			2,63	21,89	
75	Кольцо	A-27/491	CuAg	2,04	47,18			50,78		
76	Кольцо	A-27/485	CuSnPb	2,53	75,73				14,21	7,53
77	Браслет	A-27/488	CuZn		86,6	13,4				
78	Заготовка	A-27/489	CuSn	0,93	96,33				2,74	
79	Слиток металла	A-27/490	AgSn		6,91			65,58	27,52	

Рассматривая каждый из кладов как закрытый археологический комплекс, необходимо группировать результаты измерений в первую очередь по кладам, в отличие от исследований состава металла изделий из материалов могильников и городищ, когда группировка результатов производилась авторами по категориям находок [Русских, Сабирова, 2018, 2020].

Обе чаши из клада 1994 г. сделаны из чистого серебра с крайне небольшим содержанием меди. Неорнаментированная чаша (каталог: № 1, ан.* 1) содержит 96 % серебра. Чаша, украшенная чеканкой (каталог: № 2, ан. 2–4), имеет более 97 % серебра в своем составе. Для проверки гомогенности сплава были сделаны анализы стенки, углубления пальметты на дне, а также одной из чеканных полуго-рошин. Все они показали высокую степень схожести: содержание серебра варьирует на десятые доли процента, также схож макрорельеф поверхности (рис. 25).

Состав металла одной из калачевидных серег из клада 1976 г. (каталог: № 3) был определен в Уральской Государственной инспекции пробирного надзора (г. Екатеринбург) в 2015 г. по заказу БУК УР «Историко-культурный музей-запо-ведник Удмуртской Республики “Иднакар” им. М. Г. Ивановой». Исследование осуществлялось с целью подготовки предметов к постановке на специальный государственный учет и дальнейшей их регистрации в специальных инвен-тарных книгах (в соответствии с требованиями Инструкции 1987 г. по учету и хранению музеиных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в государственных музеях СССР). Музейные предметы, из-готовленные из белого металла (в соответствии с предварительной музейной атрибуцией), прошли исследование, осуществленное ведущим экспертом по драгоценным металлам и драгоценным камням Н. Ф. Фадеевой. Определение металла и его пробы производилось на пробирном камне с помощью эталонных пробирных игл и реактивов. Взвешивание производилось на электронных весах

* ан. – анализ.

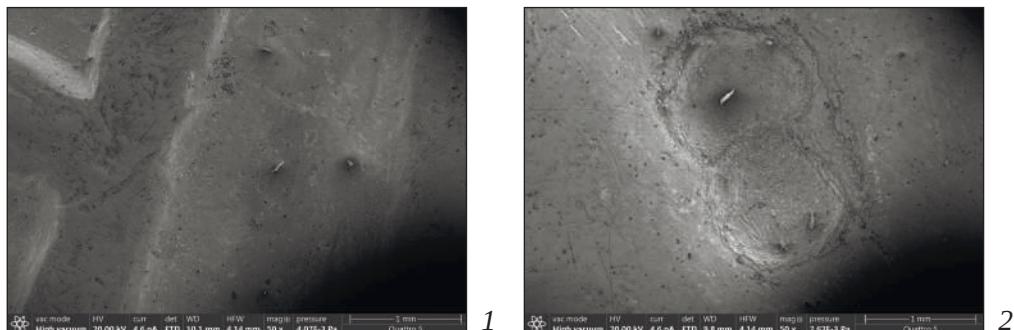

Рис. 25. Макроструктура поверхности серебряной чаши в месте взятия анализа:
1 – ан. 3, 2 – ан. 4

специального класса точности. В соответствии с данными экспертизы, состав металла калачевидной серьги – серебро 900 пробы, что зафиксировано в акте № 13 от 24.07.2015 г. Уральской Государственной инспекции пробирного надзора. Используемая методика неразрушающего исследования позволяет выявить в металлическом сплаве легирующие компоненты. Однако подобная задача не была предусмотрена экспертизой и потому не выполнялась, что несколько сужает возможности интерпретации источника.

Остальные серьги из этого клада на основе вышеописанных исследований также изготовлены из серебряного сплава. Процентное содержание серебра определяется в диапазоне показателей 80–89 %. Выбивается из этих рамок серьга, у которой в составе выявлено 2/3 серебра и 1/3 меди (ан. 5). Использование электронного микроскопа при определении состава металла позволяет визуально определять области, на которые будет направлен электронный пучок. У одной из серег проводились измерения разных частей дужки, визуально выделяемых при макросъемке рельефа ее поверхности (рис. 26-1): светлой основы (рис. 26-2) и более темных продольных полос, определяемых как следы волочения проволоки, из которой и была в дальнейшем сделана серьга [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 354–355].

Как и предполагалось, визуальное затемнение свидетельствует о наличии загрязняющих поверхность веществ (патина, органические загрязнения), влияющих на процентное распределение результатов анализа. В чистой области (рис. 26-2) содержание серебра определяется в 89,7 %, а в затемненной (рис. 26-3) – в 80,8 %.

В некоторых случаях кроме загрязнений на поверхности в режиме фазового контраста наблюдались включения, отличающиеся от основы изделия и напоминающие «капли» или «брьзги» металла (рис. 27). Измерение, проведенное для подобной области, показало, что эти наплыты представляют собой сплав многокомпонентной латуни, вероятно, случайно попавшей на серебряную проволоку (ан. 8). Возможно, место хранения заготовок или готовых изделий у мастера было в непосредственной близости от самой производственной площадки.

Медный сплав с добавлением цинка был распространен при производстве женских украшений. Так, из него сделаны две шумящие подвески и слиток

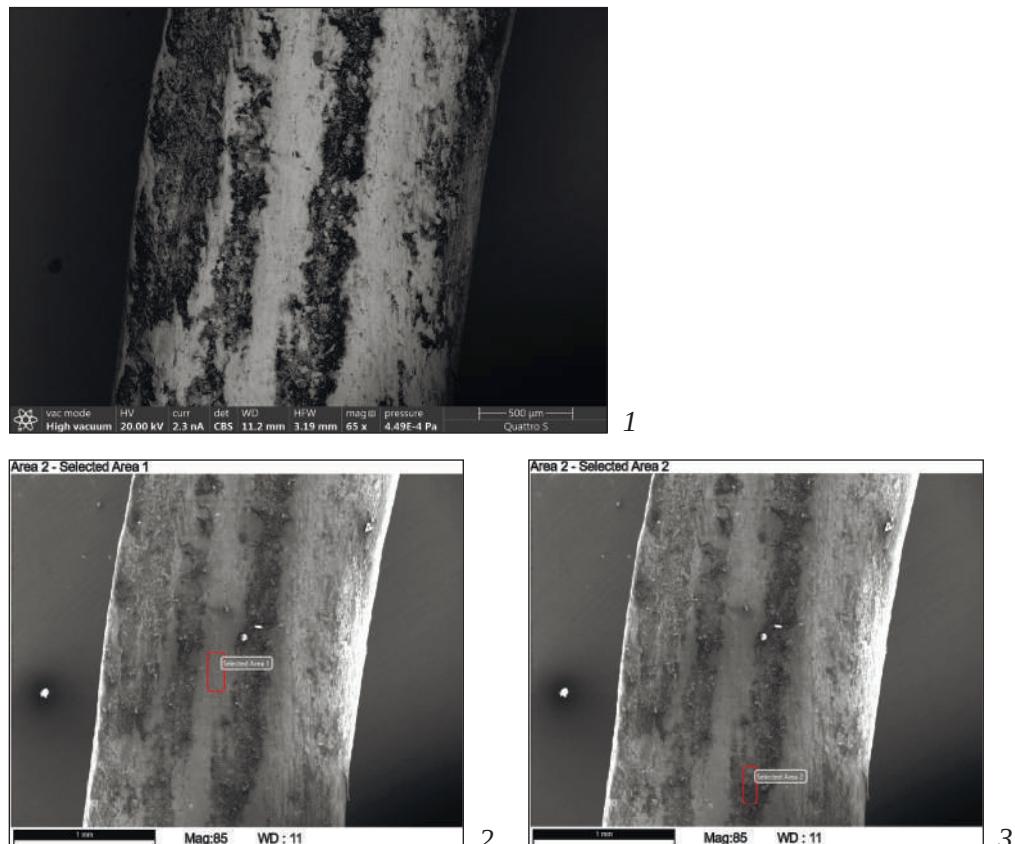

Рис. 26. Калачевидная серьга (каталог: № 8): 1 – макросъемка поверхности дужки, 2 – место определения состава металла на дужке: ан. 12, 3 – место определения состава металла на дужке: ан. 13

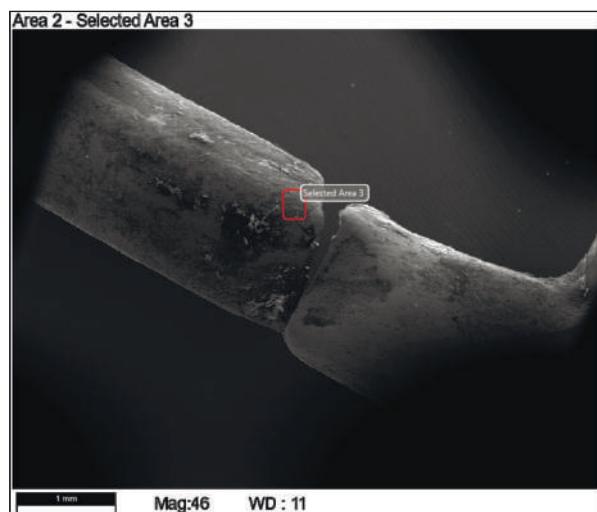

Рис. 27. «Брызги» металла на поверхности дужки калачевидной серьги (каталог: № 5)

из клада 1988 г. При изготовлении составных украшений их части отливались мастером и соединялись вместе. Поэтому для анализа брались разные детали шумящих подвесок: чаще всего сама основа (щиток), звено цепочки и одна из привесок. Таким образом, для обеих пар подвесок из этого клада удалось установить ассортимент сплавов, использовавшихся при их изготовлении. Это трехкомпонентная свинцовая латунь с небольшим содержанием цинка, двухкомпонентная латунь с 4–5 % цинка, а также многокомпонентные латуни с добавками олова и свинца в разных пропорциях. При этом в одном изделии могли использоваться и латунные, и бронзовые сплавы. Цепочка у одной из подвесок (кatalog: № 11) выполнена из свинцовой бронзы (ан. 17), а щиток – из трехкомпонентной латуни (ан. 16). Такие же различия в рецептуре сплавов и распределении элементов внутри них наблюдаются у парной подвески (кatalog: № 12). У второй пары подвесок из этого клада (кatalog: № 13, 14) также наблюдается разница в составе структурных элементов. Щитки, цепочки и подвески изготовлены преимущественно из различных латуней. В ан. 21, 23, 24 (щиток одной подвески, звено цепочки и привеска другой подвески) соотношение меди (94,6–95,9 %) и цинка (4,1–5,3 %) совпадает с погрешностью в один процент, что может косвенно свидетельствовать об одновременной отливке именно этих деталей.

Латунный обломок слитка из этого клада имеет содержание цинка 12 % и относится к полуторапаку: универсальному сплаву, имеющему благородный внешний вид, коррозионную устойчивость и хорошие деформационные свойства в холодном состоянии (в том числе при волочении).

Клад 1999 г. – самый большой по численности находок и самый разнообразный по типам сплавов. В его составе выделяются серии однотипных украшений: шумящие подвески, привески-бубенчики и колокольчики, пронизки-бусины, пуговицы, кольца, накладки. Единично представлены шумящий перстень, пластинчатый браслет, заготовки и металлический слиток. Выборка делится на две группы: изделия, изготовленные из оловянной бронзы и из латуни.

Из оловянной бронзы с устойчивым содержанием олова до 10,1 % (низкооловянные бронзы) сделаны все шумящие украшения (подвески и перстень), в том числе их составные части: цепочки и привески (кatalog: № 18–22, ан. 29–38). Привески-колокольчики также отлиты из низкооловянной бронзы с содержанием олова не более 8,8 %. Только в одном случае привеска содержит незначительные включения мышьяка и серебра (кatalog: № 23, ан. 39). Интересен состав грушевидных полых пуговиц, каждая из которых состоит из двух половинок. Основу сплава составляют медь и олово в концентрации 2,6–6,6 %, при этом одна из половинок содержит более 12 % цинка, что позволяет отнести ее к многокомпонентным латуням.

Все привески-бубенчики (кatalog: № 40–54, ан. 56–72) выполнены из латуни с тремя и более компонентами в составе. Количество цинка небольшое и варьирует от 2,8 до 12,8 %. Отличительной особенностью этой группы находок является наличие в девяти из 15-ти половинок бубенчиков следов присутствия в сплаве 2,3–5,5 % мышьяка (As). На поверхности некоторых бубенчиков визуально обнаружились затеки (капли) другого металла (рис. 28; ан. 68, 72),

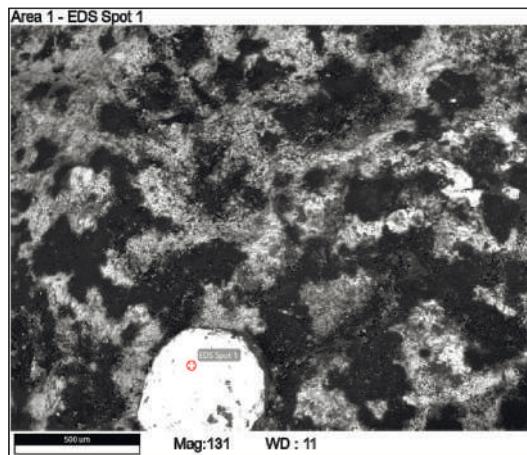

Рис. 28. Макросъемка поверхности половинки привески-бубенчика (каталог: № 54) и место проведения анализа на капле инонодного сплава

которые оказались технически чистым свинцом ($\geq 97,3\%$). Возможно, именно свинцовым припоем скреплялись половинки бубенчиков. Тот факт, что они дошли до современности в разъединенном виде, также объясняется использованием чистого свинца для припоя. Без добавки олова или цинка свинец слабо реагирует с другими металлами и обладает «ползучестью» (то есть со временем «соскальзывает» с границ металлических зерен других сплавов). Вместе с тем из всех доступных на тот момент металлов именно свинец является самым легкоплавким, мягким и удобным в работе материалом, а указанный недостаток легко было исправить повторной пайкой.

Пронизки-бусины (каталог: № 29–33; ан. 43–50) представлены в основном латунными образцами: двухкомпонентной и свинцовой латунью. Два образца выполнены из бронзы. Также из этих двух типов сплавов изготовлены одиночные категории находок этого клада: поясная накладка (каталог: № 35, многокомпонентная латунь), кольца (каталог: № 55, 56, 58, оловянистая бронза), браслет (каталог №: 59, двухкомпонентная латунь). Из сплавов с содержанием серебра выполнено кольцо (каталог: № 57, медь и серебро в равных пропорциях) и слиток металла (каталог: № 62, две трети серебра и треть олова).

На основании полученных результатов в зависимости от наличия и соотношения легирующих компонентов выделено три основных вида рецептур металлических сплавов, которые использовались при производстве изделий (табл. 4). Самой представительной выборкой выступают латуни и бронзы, реже находки были изготовлены из серебра.

Латуни: сплавы на основе меди с обязательным включением цинка как одного из главных легирующих компонентов. Согласно полученным данным, почти половина выборки представлена латунными изделиями (28 анализов). Кроме того, часть дополнительных анализов структурных элементов находок также была определена как латунь (4 анализа). Внутри общей группы латуней выделяются изделия из двухкомпонентного сплава меди и цинка (CuZn); трехкомпонентного сплава с добавлением свинца (CuZnPb) или олова (CuZnSn); много-

Таблица 4

Рецептуры сплавов по частоте их встречаемости в выборке

Тип сплава	Клад 1994 г.		Клад 1976 г.		Клад 1988 г.		Клад 1999 г.	
	Σ	№ ан.	Σ	№ ан.	Σ	№ ан.	Σ	№ ан.
ЛАТУНИ	CuZnSnPb		1	8	2	18, 22	6	51, 55, 58, 61, 63, 67
	CuZn				4	21, 23, 24, 26	4	46, 47, 48, 77
	CuZnPb				2	16, 25	3	43, 44, 49
	CuZnSnAs						5	57, 62, 65, 70, 71
	CuZnSnPbAs						4	59, 64, 66, 69
	CuZnSn						2	56, 60
БРОНЗЫ	CuSn				1	20	19	27–38, 40–42, 45, 54, 73, 78
	CuSnPb				1	19	3	52, 53, 76
	CuPb				1	17		
	CuSnAg						1	74
	CuSnPbAs						1	50
	CuSnAgAs						1	39
СЕРЕБРО	Ag	4	1, 2, 3, 4	10	5–7, 9–15			
	CuAg						1	75
	AgSn						1	79
СВИНЕЦ (Pb)							2	68, 72
Итого анализов (изделий)		4 (2)		11 (7)		11 (5)	53 (46)	

компонентного сплава, в котором, помимо меди и цинка, фигурируют в разных пропорциях олово, свинец, мышьяк (CuZnSnPb, CuZnSnAs, CuZnSnPbAs).

Бронзы: сплавы на основе меди с добавлением олова и/или свинца как легирующих компонентов. Встречаются включения мышьяка и серебра. Всего выявлено 21 изделие, выполненное из бронзовых сплавов. Также в шести случаях из бронзы состояли структурные части изделий. Таким образом, общее количество анализов в выборке – 27. Самой представительной в количественном плане является группа оловянной бронзы (CuSn): 20 анализов, относящихся к 15 предметам. Кроме оловянной, выявлены также свинцовая (CuPb), свинцово-оловянная (CuSnPb) бронзы. Единичные находки изготовлены из многокомпонентных бронз с включением мышьяка, серебра (CuSnPbAs, CuSnAg, CuSnAgAs).

Серебро: в этой группе собраны находки, выполненные из сплавов с высокой долей содержания серебра. В современном ювелирном деле к серебру относят сплавы серебра (71,9 % и выше) с медью, добавка которой позволяет значительно увеличить твердость и прочность серебра. Так, добавление к технически чистому серебру (от 95 % и выше) 20 % меди приводит к повышению прочности на 30 %, а твердости – на 60 % при одновременном снижении пластичности.

В то же время сплав с содержанием серебра 95 % и выше благодаря своей пластичности отлично подходит для ковки, глубокой вытяжки и исполнения тонких, филигравных работ [Мутылина, 2005, с. 71–73]. В материалах иднакарских кладов из серебра (Ag) выполнено девять изделий. В единичных случаях зафиксировано использование сплава серебра с медью в одинаковых пропорциях (CuAg) и серебра с оловом (AgSn). Еще в пяти случаях серебро фиксировалось при анализе структурных частей изделий.

Свинец: был обнаружен в двух случаях при анализе микроскопических брызгов металла на поверхности привесок-бубенчиков. В обоих случаях это технически чистый свинец – выше 97,3 % (ан. 68) и 100 % (ан. 72).

3.3. Металл иднакарских кладов в контексте исследования цветных металлов чепецкой культуры

Выполненные исследования являются логическим продолжением планомерной работы авторов монографии по формированию аналитической базы данных археологического металла бассейна р. Чепцы эпохи Средневековья. Методом рентгенофлуоресцентного анализа авторами были выполнены исследования по определению элементного состава изделий из цветных металлов шести чепецких средневековых памятников. Среди проанализированных – наиболее выразительные типы изделий, принадлежащие к различным группам находок (украшениям и принадлежностям костюма, предметам быта, находкам производственного характера). Ранее был определен состав 49 образцов из погребений Солдырского III (Иднакарского I), Кузьминского, Кушманского могильников [Русских, Сабирова, 2020] и 244 находок с поселенческих площадок (Солдырское I, Кушманское городища, Кушманское III селище/городище) [Русских, Сабирова, 2017, 2018, 2019]. При подготовке выборок по отдельным памятникам основными критериями выступали разноплановость находок (украшения, предметы быта, производственные изделия) и их сопоставимость в рамках нескольких объектов, что дает возможность получить ассортимент сплавов, используемых для производства изделий одной группы.

Несмотря на то, что предыдущие исследования чепецких древностей выполнялись методом РФА, а изучение находок из кладов – методом микрозондового анализа, полученные результаты сопоставимы и органично вписываются в выявленную ранее систему средневековых чепецких сплавов. С учетом опубликованных в настоящей работе результатов анализов находок иднакарских кладов (60 образцов) общая совокупность изделий с установленным типом металлического сплава составляет 353 единицы (49 образцов из материалов погребальных памятников, 244 – из поселенческих). Такая выборка позволяет сделать выводы об особенностях металлов кладов на фоне находок, типичных для чепецкой культуры (табл. 5).

Таблица 5

Распределение результатов анализов изделий чепецкой культуры

Группа сплава	Тип сплава	Тип сплава	Чеп. к-ра	Клады
Медь и медные сплавы	«чистая» медь	Cu	2	-
	оловянная бронза	CuSn	1	15+1
	свинцовая	CuPb	4	-
	свинцово-оловянная бронза	CuSnPb	8	3
	многокомпонентная бронза	Cu + Sn + (Pb) + (Ag)	-	2
	двуихкомпонентная латунь	CuZn	46	6
	трехкомпонентная латунь	CuZnAg	3	-
		CuZnSn	3	2
		CuZnPb	63	4
	многокомпонентная латунь	Cu + Zn + (Pb) + (Sn) + (Ag) + (As)	45	16
«чистое» олово		Sn	1	-
«чистое» железо		Fe	1	-
«чистое» серебро и сплавы с высоким содержанием серебра		Ag	1	11

Данные абсолютного и процентного распределения типов сплавов показывают преобладание латуней как ведущего сплава для изготовления изделий из цветных металлов в материалах чепецкой культуры. Причем по данным исследований материалов погребальных памятников было выявлено, что абсолютно все находки выборки выполнены из латуни (двуихкомпонентной, свинцовой, многокомпонентной, а также двухкомпонентной латуни с добавлением большого количества серебра). В выборках преобладали различные виды латунных сплавов (CuZn, CuZnPb, CuZnSn, CuZnSnPb, CuZnAsPb) и присутствовали идентичные многокомпонентные соединения с незначительным содержанием серебра (1–3,1 %) (CuZnSn-PbAg). Несмотря на то, что в отбор попали небольшие произвольные выборки, общая тенденция на всех трех погребальных памятниках идентична. Особенно схожи по процентному распределению сплавов проанализированные материалы Кузьминского и Солдышского III (Иднакарского I) могильников, где представлены однотипные виды латуней – двухкомпонентная, свинцовая, многокомпонентная (в двух вариациях – с мышьяком и оловом). Среди изделий Кушманского могильника пока выявлен только один образец из многокомпонентной латуни. Особенностью Кузьминского могильника является наличие нетипичного для выборки, но устойчивого по составу, сплава меди, цинка и серебра [Русских, Сабирова, 2020].

В материалах поселенческих памятников латунь также является превалирующим сплавом (общее количество – 150 образцов, или 65 %). В материалах Кушманского городища, в отличие от Иднакара, преобладают многокомпонентные сплавы с небольшим содержанием цинка после многочисленных переплавов. Свинцовая латунь представлена примерно одинаково во всех выборках, а двойная латунь имеет значительные отличия. В материалах Иднакара много высоко-

цинковистых соединений (свыше 20 %), в то время как двухкомпонентные латуни Учкакара имеют низкое и среднее содержание цинка (4,4–21 %). В отличие от иднакарской выборки, кушманский цветной металл представлен не только латунями. Значительная часть находок из коллекции городища и селища выполнена из бронз с добавлением олова и свинца в разных соединениях и пропорциях (66 анализов, 28,5 % от общей выборки). Также там присутствуют изделия из чистой меди (семь образцов), сплавы меди с серебром (семь изделий) и единичная находка оловянной пуговицы [Русских, Сабирова, 2018].

Сравнение состава металла выборки изделий из коллекций двух крупных поселений чепецкой культуры выявило определенные закономерности, выражющиеся в значительном преобладании «сырьевой» высокоцинковистой двухкомпонентной латуни в Иднакаре, что свидетельствует о доступе мастеров к привозному металлу. Кушманские мастера больше работали с переплавленным материалом, используя лом и старые украшения для изготовления новых, так как при каждой следующей переплавке процент содержания цинка в сплаве уменьшается. Найдены высокоцинковистых латуней более редки и почти все они (10 из 14 образов) относятся к заготовкам (проволока и пластины), полные аналогии которым зафиксированы в Иднакаре. По всей видимости, именно Иднакар был главным производственным центром чепецкой культуры, куда поступал ценный привозной металл. Учкакар же, имея представительную производственную площадку и хорошо наложенное производство, использовал для изготовления вещей латунный и бронзовый лом. Отсутствие в результатах анализов иднакарских изделий предметов из бронзы пока нельзя рассматривать как некую локальную особенность, поскольку необходимо продолжать исследования, расширяя выборку за счет изделий из различных хронологических горизонтов и жилищ [Русских, Сабирова, 2018]. Предположение о том, что иднакарские мастерские с их высокоцинковистыми латунями были основным местом производства украшений и предметов быта, насыщающих внутренний рынок, косвенно подтверждается тем, что металл украшений Кушманского могильника соотносится с данными иднакарских мастерских больше, чем с территориально близким кушманским производственным комплексом, значение и функции которого еще предстоит установить [Русских, Сабирова, 2020]. Возможно, эта разница связана с более поздним, по сравнению с Иднакаром, началом цветной металлообработки на Учкакаре.

Иднакарские клады занимают особое место в этой выборке. Специфика накопления личных богатств, обстоятельства, повлекшие их скрытие и причины невостребованности кладов в дальнейшем, делают их особым археологическим источником. Сравнивая индивидуальные находки из иднакарских кладов с аналогичными изделиями из круга чепецких памятников, изученными методом РФА в 2016–2018 гг., можно провести ряд параллелей в одинаковых категориях находок.

Составные части шумящих подвесок с треугольным щитком (кatalog: № 13, 14) в составе клада 1988 г. выполнены из оловянной бронзы (ан. 20) и латуней: двухкомпонентных, свинцовых и многокомпонентных (ан. 21–25). Аналогичные подвески из Кузьминского и Кушманского могильников выполнены из свинцовой и многокомпонентной латуни. Двухчастные пронизки-бусины (кatalog: № 29–30)

изготовлены из свинцовой латуни (ан. 43–44). Аналогичные им по форме и составу изделия исследованы в материалах могильников – Солдырского III (свинцовая латунь) и Кушманского (двухкомпонентная латунь), а также в материалах городища Иднакар (свинцовая латунь).

Пронизки-бусины (каталог: № 29–34) из клада 1999 г. варыируются по своему составу. Две из них выполнены из бронзы (классической и многокомпонентной, ан. 45, 50), остальные четыре – из латуни (двухкомпонентной и свинцовой, ан. 46–48). Аналогичные по форме изделия исследованы в материалах городища Учкакар, Солдырского III и Кушманского могильников, где в выборке присутствовали исключительно латунные образцы (свинцовая и многокомпонентная латунь). Привески-бубенчики (каталог: № 40–45) представлены в материалах клада 1999 г. образцами из оловянной и многокомпонентной латуни (ан. 56–61). Среди исследованных образцов нескольких чепецких памятников (Кушманского городища, Кузьминского и Кушманского могильников) данная категория изделий также выполнена исключительно из латуни (классической, свинцовой и многокомпонентной). Привески-колокольчики (каталог: № 23–26) изготовлены из бронзы (классической и многокомпонентной, ан. 39–42), в отличие от аналогичной им привески из материалов Кушманского городища, которая выполнена из свинцовой латуни.

Состав металлических слитков также отличается. В материалах кладов 1988, 1999 гг. они состоят из принципиально различных сплавов. Один из них (клад 1999 г., каталог: № 62) отлит из сплава олова и серебра (ан. 79), другой (клад 1988 г., каталог: № 15) – из двухкомпонентной латуни (ан. 26). В материалах Кушманского городища два из исследованных методом РГА слитков были выполнены из свинцовой и многокомпонентной латуни.

В целом, при сопоставлении рецептур металла изделий ряда археологических памятников чепецкой культуры и местных типов украшений из иднакарских кладов, можно обнаружить сохранение общей тенденции – преобладания латуней в сплавах (рис. 29).

При этом повышенная доля серебра и сплавов с его высоким содержанием обусловлена тем фактом, что два клада из четырех содержат серебряные изделия.

Рис. 29. Процентное распределение типов сплавов в материалах чепецкой культуры

Остальные два клада полностью соотносятся с ранее полученными данными. Несмотря на то, что довольно много изделий из кладов выполнено из оловянистой бронзы, доминирующим сплавом при изготовлении украшений чепецкой культуры является латунь.

Таким образом, иднакарские мастера работали со всеми основными цветными металлами средневековья (медь, цинк, олово, свинец), а также использовали при создании украшений серебро.

По своему составу и насыщенности цинком чепецкие латуны соотносятся с пермскими и особенно с древнерусскими материалами. Вопрос источника их поступления в бассейн р. Чепцы пока остается открытым. По мнению Н. В. Крыласовой, население Пермского Предуралья в X–XIII вв. само производило и поставляло латунь (в частности свинцовую) в Волжскую Булгарию. Начало формирования этой традиции исследователь относит к ломоватовскому времени – V–VII вв. [Крыласова, 2018, с. 59–65]. Но данная территория не располагает месторождениями цинковых руд, что заставляет искать другие источники поступления латуни в регион.

Известно, что в Европе рецепт цементации меди оксидом цинка стал известен с конца X в. и воспроизводился в объемах, позволяющих осуществлять поставки «чистой» латуни во многие районы Западной и Восточной Европы. Так, Северо-Запад и Северо-Восток Руси, Среднее Поднепровье, Верхнее Поволжье, Карелия, материковая Швеция и Готланд, Прибалтика в X–XI вв. входили в зону широкого распространения латуней. Основным импортером медно-цинковых сплавов на Северо-Запад Руси считается Новгород, а основными поставщиками латуни, согласно письменным источникам, были купцы Северной Европы [Ениосова и др., 2000; Ениосова, Кочкуркина, 2010, с. 30–31].

Контакты чепецкого населения с древнерусским отчетливо прослеживаются по материалам украшений и предметов быта, время распространения которых в том же Новгороде совпадает с появлением их в культурном слое городища Иднакар [Иванова, 1998, с. 205]. Металлографические исследования В. И. Завьялова также подтверждают сильное влияние Новгорода как крупного металлообрабатывающего центра, на внешний вид, функционал и технологии изготовления железных чепецких орудий [Завьялов, 1988, с. 138–141].

Близость материальной культуры народов северной части Европы маркируется в том числе гривнами глазовского типа, которые в IX–XI вв. были известны на территории Верхней Камы, бассейнов Чепцы, Вятки, Верхнего Поволжья, в Смоленской, Новгородской, Псковской областях, в Эстонии, Карелии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Северной Германии [Иванов, 1997, с. 100–101]. Ареал их распространения практически полностью совпадает с областью активного использования латуни, поставки которой шли из европейских рудников в Новгород и Карелию [Ениосова, Кочкуркина, 2010, с. 30], и далее – на территорию чепецкой культуры и, по-видимому, в Верхнее Прикамье. Для подтверждения этой гипотезы необходимо дальнейшее исследование материалов чепецкой культуры и сопредельных территорий, а также исследование состава цветных металлов поломской культуры для установления времени начала широкого распространения латуней в бассейне р. Чепцы.

Заключение

Исследования городища Иднакар коренным образом изменили сложившиеся представления о финно-угорских памятниках в средневековой истории Урала-Поволжья и Восточной Европы в целом. Найденные клады на площадке этого крупного поселения стали уникальным примером совпадения фактов устной истории с вещественными источниками и значительно расширили познавательные возможности памятника.

Несмотря на относительную скромность иднакарских кладов, в сравнении с синхронными монетно-вещевыми комплексами и находками изделий восточной торевтики на сопредельных территориях, их значимость как исторического источника весьма существенна. Являясь своеобразными закрытыми археологическими комплексами, оказавшимися по ряду причин сокрытыми, а позднее невостребованными, иднакарские клады маркируют собой социально-экономические изменения общества того времени и отражают набор предметов, имевших наибольшую материальную ценность в сознании оставившего их народа.

Издание вводит в научный оборот новые данные и логично продолжает комплексные междисциплинарные исследования городища Иднакар, начало которым положила Маргарита Григорьевна Иванова.

Значимое место в работе занимает информационный каталог предметов из кладов городища Иднакар. Он включает актуальное на сегодняшний день музейно-исследовательское описание каждой находки с представлением их художественных изображений. Кроме того, в каталоге содержатся сведения о месте хранения (или экспонирования) артефактов, их происхождении, технологических, материало-вещеских, физических характеристиках. По замыслу авторов, данный раздел существенно дополняет работу, наглядно иллюстрирует ценность исторического источника, а также способствует расширению целевой аудитории издания.

В рамках подготовки монографии авторами был решен круг исследовательских задач. Планиграфический анализ мест расположения кладов на площадке Солдырского I городища выявил их сосредоточенность в средней части поселения, лишь один из четырех комплексов обнаружен за пределами среднего вала (рис. 16). Анализ закономерностей в распределении кладов относительно выявленных сооружений обнаружил их локализацию в пределах заглубленных объектов планировки: два из четырех кладов расположены в заполнении оборонитель-

ных рвов (внутреннего и среднего), два оставшихся – под жилым помещением и в заполнении хозяйственной ямы.

Все клады, кроме находок серебряных блюд, обнаружены около сооружений, которые по планировке и найденному материалу могут быть интерпретированы как мастерские, связанные с ювелирным делом. Это дает основания предполагать, что клады принадлежали мастерам-ремесленникам и являлись излишками готовой продукции или запасом металла для последующей переработки.

Каждый из кладов, исходя из хронологического определения их залегания в культурном слое, относится к разным периодам функционирования поселения. В целом, комплексы датированы X–XII вв. – периодом активного развития города Иднакар и временем наивысшего расцвета чепецкой археологической культуры, характеризующимся существенной социальной стратификацией чепецкого населения, активными торгово-обменными связями, функционированием крупных укрепленных племенных и торгово-ремесленных центров [Иванова и др., 2021; Иванов, 1997, с. 16–17].

Поиск и определение аналогий вещам из кладов укрепили мнение авторов в соответствии находок традициям эпохи восточно-европейского Средневековья X–XII вв. в целом и их финно-угорскому облику в частности. Выполненный анализ известных в бассейне р. Чепцы монетных и вещевых кладов, их картографирование и сопоставление с вещевым составом иднакарских кладов, позволили определить роль последних в системе материальных ценностей чепецкого средневекового населения. Являясь различными по своему содержанию комплексами предметов, сокрытых в определенные периоды функционирования поселения, клады Иднакара стали отражением отдельных сторон развития крупного центра – этнокультурного, социально-политического и ремесленного. Два из них, содержащие как готовую продукцию, так и металлические заготовки (клады 1988, 1999 гг.), являются источниками для исследования ювелирного ремесла. Клад 1976 г. подтверждает местное производство серебряных калачевидных подвесок, а клад 1994 г. дополняет сведения о торговых контактах региона.

Проведенный электронно-зондовый микроанализ элементного состава металла, из которого выполнены изделия иднакарских кладов, позволил выделить три основных вида рецептур металлических сплавов, которые использовались при производстве изделий. Согласно полученным данным, почти половина выборки представлена латунными изделиями (28 ан.). Среди них встречаются вариации в виде применения классической двухкомпонентной, оловянной, свинцовой и многокомпонентной латуни. Из бронзовых сплавов было выполнено 21 изделие, включая структурные части отдельных составных украшений. Среди них наиболее представительна в количественном отношении оловянная, а также отмечены свинцовая, свинцово-оловянная и многокомпонентная бронзы. Из серебра выполнено девять изделий из иднакарских кладов. В единичных случаях отмечено использование сплава серебра с медью и серебра с оловом. Еще в пяти случаях серебро фиксировалось при анализе структурных частей изделий.

Сопоставляя данные по составу металла кладов и других находок с городища Иднакар с материалами Кушманского комплекса памятников (городище, селище, могильник), авторы пришли к выводу, что в X–XI вв. ремесленным центром был Иднакар, откуда готовая продукция поставлялась в другие поселения чепецкой культуры. Об этом свидетельствует типологическое совпадение украшений Иднакара и Кушманского могильника. Практически полное сходство отдельных находок указывает на единое место изготовления, поскольку в случае подражания стилю многие индивидуальные особенности были бы выполнены по-другому, исходя из возможностей и умений мастера. Это предположение также подтверждается тождественностью сплавов находок, где в значительной степени превалирует латунь [Русских, Сабирова, 2018, 2020]. Позднее, вероятно с XII в., на Кушманском городище появляются свои мастерские и собственный центр цветной металлообработки, характерной особенностью которого является использование для новых отливок неоднократно переплавленных бронз.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Иванов А. Г. Отчет об исследованиях средневековых могильников в бассейне р. Чепцы в 1994 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 28.

Иванова М. Г. Отчет о раскопках Мало-Венижского могильника и городища Идна-Кар в 1976 году // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 158.

Иванова М. Г. Отчет о раскопках городища Гурьякар и Подборновского могильника в Балезинском районе УАССР в 1979 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 700.

Иванова М. Г. Отчет о раскопках Солдырского городища Иднакар в Глазовском районе Удмуртской АССР за 1988 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 955.

Иванова М. Г. Отчет о раскопках Солдырского городища Иднакар в Глазовском районе Удмуртской Республики в 1994 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1125.

Иванова М. Г. Отчет о раскопках городища Иднакар IX–XIII в. в Глазовском районе Удмуртской Республики в 1999 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1164.

Иванова М. Г. Отчет об исследованиях на городище Иднакар в Глазовском районе Удмуртской Республики в 2010 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1593.

Орехов П. М. Бронзолитейное производство Прикамья в постланьинский период: дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. Ижевск, 2006. 249 с. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 4/1. Д. 210.

Литература

Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII вв.: К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с.

Беговатов Е. А., Кириллов А. Н. Омутницкий клад куфических монет второй половины IX в. // Восемнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. 20–25 апреля 2015 г.: тезисы докл. М., 2015. С. 57–59.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь: Изд-во Перм. Гос. пед. ун-та, 2012. 259 с.

- Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 356 с.
- Владыкина Т. Г., Панина Т. И. Удмуртская народная проза о кладах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 4. С. 58–72.
- Вятка серебряная. Клады иранского серебра и куфических монет на территории Вятской губернии. URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/26-o-kladah-v-rossii/1670-vyatka-serebryanaya-arabskie-dirhemy-4.html> (дата обращения: 10.12.2020).
- Генинг В. Ф. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1979. С. 87–106.
- Голдина Р. Д., Черных Е. М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Материалы и исследования камско-вятской археологической экспедиции. Т. 18. Ижевск, 2011. 168 с.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа: Хронологическая атрибуция: материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. Т. 25. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 544 с.
- Голубева Л. А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 110–124.
- Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М., 1975. 338 с.
- Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. 200 с.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2000. С. 99–111.
- Ениосова Н. В., Кочкуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 24–33.
- Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 400 с.
- Завьялов В. И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук СССР, 1988. С. 119–142.
- Зеленцова О. В. О ранней дате и месте гравен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 314–323.
- Зябловский Е. Ф. Землеописание Российской империи: для всех состояний / Вестник Санкт-Петербургского педагогического института профессора Евдокима Зябловского. Ч. 4. Санкт-Петербург: при Императорской Академии наук, 1810. 466 с.
- Иванов А. Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 140–180.
- Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.

- Иванов А. Г. Пути сообщения и поселенческие центры X–XIII вв. на Чепце // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Пермь, 2001, Вып. 1–2. С. 99–104.
- Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Иванова М. Г. Городище Гурья-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 3–26.
- Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Иванова М. Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 4–56.
- Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М. Г. Вдохновение в древних истоках: Материалы по средневековому искусству удмуртов: Методическое пособие для мастеров. Ижевск, 1999. 76 с.
- Иванова М. Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–254.
- Иванова М. Г., Журбин И. В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 68–79.
- Иванова М. Г., Куликов К. И. Древнее искусство Удмуртии: альбом. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.
- Иванова М. Г., Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Клады X–XIII вв. из материалов Солдырского I городища Иднакар // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 43–52.
- История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2007. 304 с.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земля вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.
- Земля Идны. Ижевск: Издательство Регион-Пресс, 2008. 120 с.
- Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
- Клады: состав, хронология, интерпретация (материалы тематической научной конференции). СПб., 2002. 252 с.
- Кондратьева Г. Т. Археологические и этнографические работы на р. Чепце // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 232–236.
- Кондратьева Г. Т. У истоков прошлого удмуртского народа // Край удмуртский. Ижевск: Удмуртия, 1964. С. 120–124.
- Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л.: Академия наук СССР, 1954. 158 с.
- Кропоткин В. В. Новые находки куфических и сасанидских монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. М.: Наука, 1971. С. 76–97.
- Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111–117.
- Крыласова Н. Б. К развитию концепции А. М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды КАЭЭ ПГГПУ, 2018. Вып. XIV. С. 54–69.

- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Перм. Гос. гуманит. пед. ун-т, 2014. 565 с.
- Кузя А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. 256 с.
- Леонтьев А. Е. Археология мери. К истории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Макаров Н. А. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1989. С. 51–64.
- Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. 148 с.
- Матвеев С. Г. Могильник «Чем-Шай» // Труды научного Общества изучения Вотского края. Вып. IV. Ижевск, 1929. С. 18–25.
- Мацулович Л. А. Византийский антик и Прикамье // Археологические памятники Урала и Поволжья. МИА. № 1. М.–Л., 1940. С. 139–158.
- Междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа / отв. ред. И. В. Журбин. М.: ТАУС, 2018. 248 с.
- Моргунов Ю. Ю. Ещё раз о «полезной площади» городищ // Земли родной ми-нувшая судьба... К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева. М., 2018. С. 101–105.
- Мутылина И. Н. Художественное материаловедение. Ювелирные сплавы: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. 236 с.
- Никитина Т. Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлу-жья. АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола, 1990. С. 81–118.
- Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского между-речья. Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 14. Казань: Институт истории АН РТ, МарНИИАЛИ, 2012. 408 с.
- Останина Т. И. Археологические коллекции Национального музея им. К. Герда: каталог. Ижевск: УдГУ, 2004. 231 с.
- Останина Т. И. Лесагуртский клад IX в. в бассейне Чепцы: каталог археологиче-ской коллекции. Ижевск: Монпоражён, 2015. 56 с.
- Останина Т. И., Канунникова О. М., Степанов В. П., Никитин А. Б. Кузебаев-ский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.
- Первухин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. Вып. 2. М., 1896. С. 13–173.
- Перевощикова С. Е., Сабирова Т. М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014. С. 452–470.
- Перевощикова С. Е., Сабирова Т. М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 1. С. 71–82.
- Подосенова Ю. А. Калачевидные височные украшения на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 38–44.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Руденко К. А. Средневековые удмурты и Волжская Булгария в X – начале XIII вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 3. С. 469–480.

Русских Е. Л. Денежно-вещевые клады VIII–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 75–82.

Русских Е. Л., Вершинин П. А. Деятельность Музея-заповедника «Иднакар» по аprobации монетного серебра (на примере Омутницкого клада IX в.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2018. Вып. 8. С. 36–39.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв.: рентгенофлуоресцентный анализ изделий и литейного оборудования средней и внешней площадок памятника // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Вып. 3. С. 90–105.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Состав цветного металла городищ чепецкой культуры (Иднакар и Учкакар) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 94–101.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского комплекса памятников X–XIII веков по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Вестник УдГУ. Серия история и филология. 2019. Т. 29. Вып. 1. С. 97–108.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл могильников чепецкой культуры: Кузьминского, Кушманского I, Иднакарского I // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2020. Т. 48. № 1. С. 97–109.

Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А. Перспективы исследования археологических предметов с помощью РФА-спектрометрии (на примере M4 Tornado, Bruker, Германия) // Фотография. Изображение. Документ. 2013. № 4 (4). С. 80–87.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 196 с.

Седых В. Н. Клады // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: наука. зб. Вып. 4. Мінск, 2008. С. 37–43.

Семенов В. А. Кыпкинский могильник X–XII вв. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1979. С. 69–86.

Семенов В. А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1985. С. 92–118.

Солдырский III (Иднакарский I) могильник XI–XII вв. в бассейне р. Чепцы / под общ. ред. М. Г. Ивановой. Ижевск, 2019. 80 с.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.

Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР. Вып. I. 1883. 191 с.

Спицын А. А. Археологическая находка конца X века в Глазовском уезде Вятской губ. // ЗРАО. Новая серия. 1895. Т. VII. Вып. 3–4. С. 247–248.

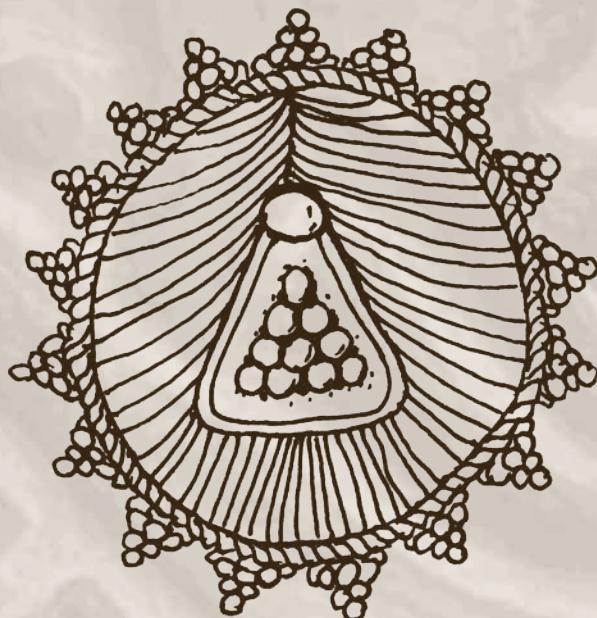
Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР. Вып. 26. СПб., 1902. 110 с.

- Талицкая И. А. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 27. С. 152–224.
- Федорова Н. В. Булгарские сканые украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 131–141.
- Федорова Н. В. Художественный металл из Среднего Приобья: новые находки. Каталог временной выставки. Л., 1991. С. 5–10.
- Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 16–21.
- Фомин А. В. Вышегородский клад куфических монет первой половины IX в. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на северо-востоке Руси). М., 1988. С. 103–131.
- Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.
- Шутова Н. И. Монеты в обрядах и мифологии удмуртов // Восточно-европейский научный вестник. 2016. № 4 (8). С. 66–73.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. 280 с.
- Янина С. Л. Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай // ВАУ. Вып. 3. Свердловск, 1962. С. 129–139.
- Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien publiees a l'aide d'une subvention de l'Etat. II. L'age du fer. Antiquites Permiennes. V. Antiquites Tschoudes. Helsingfors, 1877.

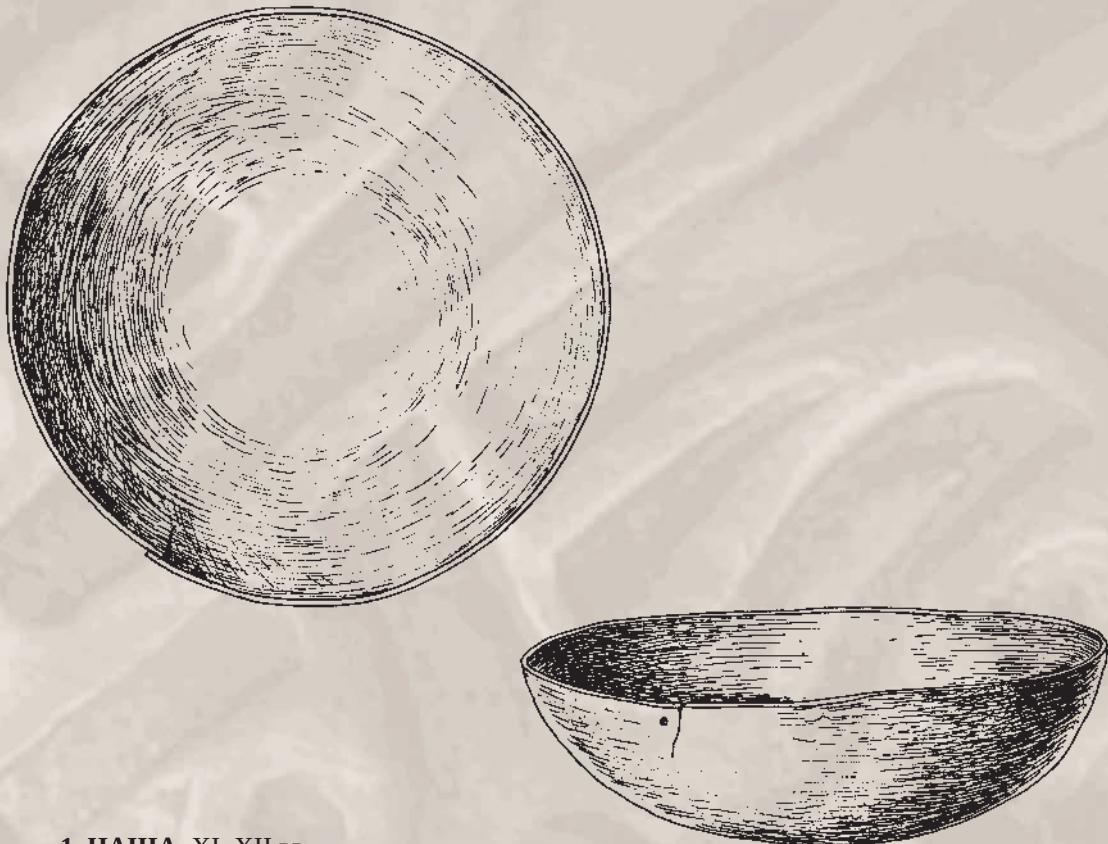
Список основных сокращений

АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии
БУК УР	– Бюджетное учреждение культуры Удмуртской Республики
ГОСТ Р ИСО	– Государственный стандарт (Россия); стандарт международной организации по стандартизации
г. х.	– год по хиджре
ДВГТУ	– Дальневосточный государственный технический университет
ЗРАО	– Записки русского археологического общества
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИКНП	– Институт истории и культуры народов Урало-Поволжья
ИКМЗ	– Историко-культурный музей-заповедник «Иднакар»
КАЭЭ ПГПУ	– Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России
МАР	– Материалы по археологии России
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МЗИ	– Музей-заповедник «Иднакар»
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА	– Научный архив
НИИ при СМ УАССР	– Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики
НМ УР им. К. Герда	– Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузебая Герда
РФ	– рукописный фонд
РФА	– ретгенофлуоресцентный анализ
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
УАЭ	– Удмуртская археологическая экспедиция
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ	– Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
УдмФИЦ	– Удмуртский федеральный исследовательский центр
ФТИ	– Физико-технический институт
ФЦП	– федеральная целевая программа
ЦКП	– Центр коллективного пользования

КАТАЛОГ НАХОДОК ИДНАКАРСКИХ КЛАДОВ

1. ЧАША. XI–XII вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1994 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. Ч/22, гл. 55 см от поверхности, слой гумусированной супеси заполнения бывшего рва внутренней линии укреплений [Иванова, Отчет за 1994, л. 7–8].

Описание: Металлический сосуд полусферической формы с округлым дном. Чаша с гладкой поверхностью не имеет следов орнаментации. Придонная часть сосуда содержит вмятины и царапины (последние имеют позднее происхождение). Верхняя часть стенки чаши надрезана на 2,1 см, рядом с надрезом имеется пробитое сквозное отверстие диаметром 0,3 см. Предмет не реставрирован.

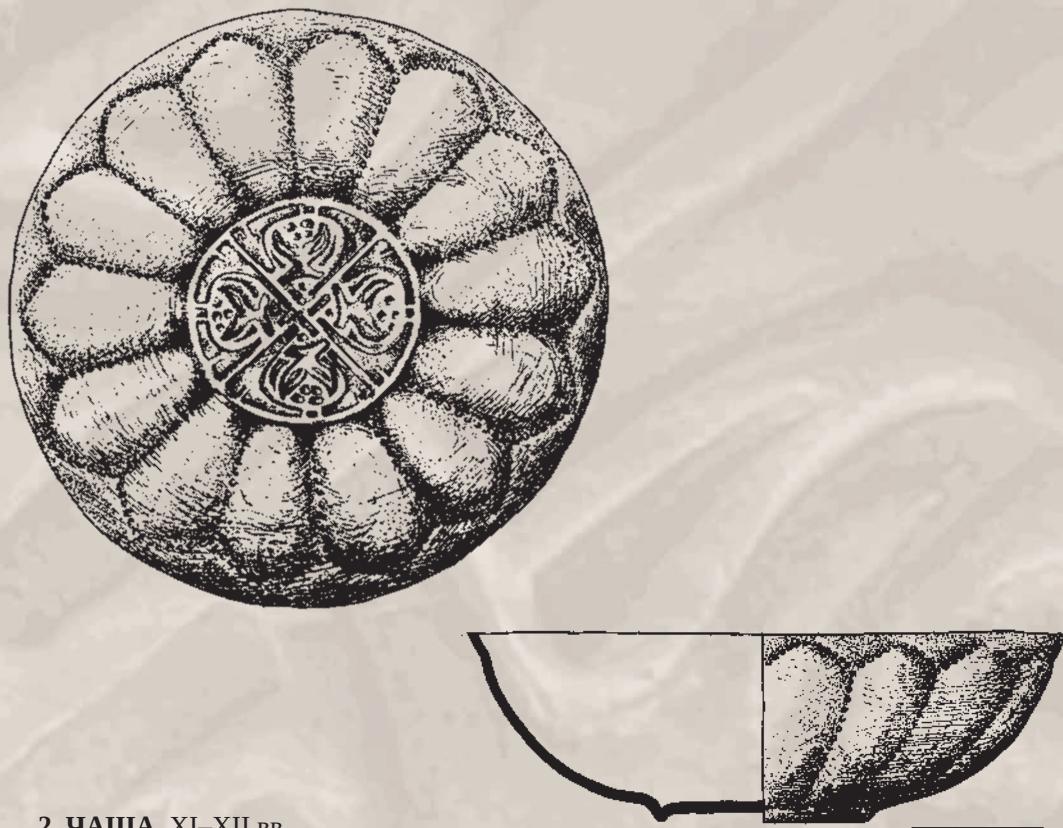
Размер: диаметр 13,4 см, высота 4,5 см, толщина стенок 0,75–0,85 см; вес 112,90 г.

Материал, техника: серебро, чеканка, ковка.

Публикации: Иванов, 1997, с. 130; Иванова, 1998, с. 209, рис. 99-2; Иванова, Куликов, 2000, с. 29, 190; История Удмуртии..., 2007, с. 272; Земля Идны, 2008, с. 94.

Место хранения: 1994–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-26/262).

2. ЧАША. XI–XII вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1994 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. Ч/22, гл. 55 см от поверхности, слой гумусированной супеси заполнения бывшего рва внутренней линии укреплений [Иванова, Отчет за 1994, л. 7–8].

Описание: Металлический сосуд полусферической формы с округлым дном. Имеет рельефную поверхность, украшен чеканкой: 14 ложков окаймлены контуром из круглых углублений, выполненных чеканом снаружи. На выделенном медальоне дна чеканкой выполнены четыре пальметты из растительных мотивов (в центре – крестообразная пальметка). Чаша имеет царапины, пробитое сквозное отверстие диаметром 0,2 см в верхней части стенки. Предмет не реставрирован.

Размер: диаметр 13,4 см, высота 4,5 см, толщина стенок 0,66–1,77 см; вес 96,22 г.

Материал, техника: серебро, чеканка, ковка.

Публикации: Иванов, 1997, с. 130; Иванова, 1998, с. 209, рис. 99-1; Иванова, Куликов, 2000, с. 29–30, 190; История Удмуртии..., 2007, с. 272, рис. 54; Земля Идны, 2008, с. 92–94.

Место хранения: 1994–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-26/263).

3. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности.

Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм с разрывом в 3 мм от нижней части серьги. Украшение было обнаружено в фрагментированном состоянии, имеет сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,2x2,3 см (щиток), 2,0x0,2 см (дужка); вес 1,64 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/2).

4. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности. Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм с разрывом в 3 мм от нижней части серьги. На верхней внешней части дужки имеется дефект в виде отстающей от проволоки стружки. Украшение имеет сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: общий размер 2,3x3,9 см; вес 1,84 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/3).

5. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности.

Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм с разрывом в 3 мм от нижней части серьги. Украшение имеет сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: общий размер 2,3x3,9 см; вес 1,97 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/4).

6. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности. Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм с разрывом в 3 мм от нижней части серьги. Украшение имеет царапины, сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: общий размер 2,3x3,7 см; вес 1,58 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/5).

7. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности. Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь.

образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм с разрывом в 3 мм от нижней части серьги. Украшение имеет сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: общий размер 2,3x3,8 см; вес 1,93 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/6).

8. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности. Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм обломана в своей верхней части. Украшение фрагментировано, имеет сколы по краю, царапины. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: общий размер 2,3x3,7 см; вес 1,54 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/7).

9. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности. Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют

сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм отломилась от основной части изделия. Украшение имеет сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,2x2,3 см (щиток), 2,0x0,2 см (дужка); вес 1,71 г.

Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/8).

10. КАЛАЧЕВИДНАЯ СЕРЬГА. X в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1976 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. В/5, яма № 3 нижнего горизонта жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1976, л. 26–27].

Описание: Височное украшение состоит из проволочной дужки подтреугольной формы и раскованного из овально согнутой проволоки щитка подковообразной формы. Серьга не имеет декора на своей поверхности. Внутренние части «подковы» слегка загнуты внутрь, образуют сгибы на лицевой части серьги. Проволочная дужка диаметром до 2 мм отломилась от основной части изделия. Украшение имеет сколы по краю. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,2x2,3 см (щиток), 2,0x0,2 см (дужка); вес 1,63 г.

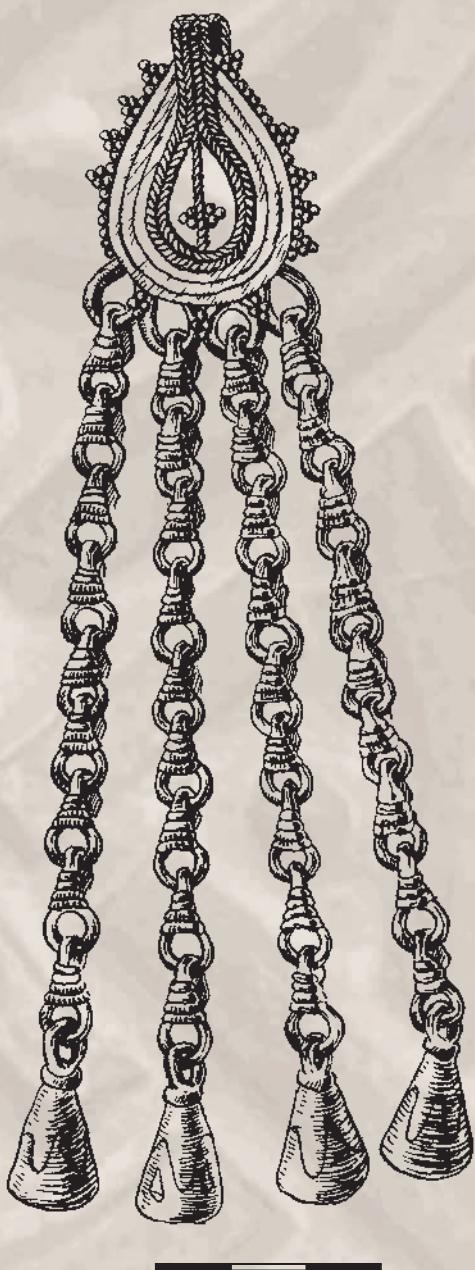
Материал, техника: серебро, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, 1985, с. 65; Иванова, 1988, с. 52, 58; Иванова, 1998, с. 137–138; Иванова, Куликов, 2000, с. 24, 189; История Удмуртии..., 2007, с. 264, рис. 47.

Место хранения: 1976–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-10/9).

11. ШУМЯЩАЯ ПОДВЕСКА. XI–XII в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдышское I городище Иднакар. Раскопки 1988 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. 19, гл. 22–30 см от поверхности, однородный слой темной глины [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44].

Описание: Подвеска имеет подтреугольную форму щитка, украшенную тремя рядами валиков, двумя рядами псевдошнуром. Верхняя часть щитка загнута назад, образуя петлю для крепления подвески. Центральное отверстие основы декорировано крестообразной композицией, сформированной вертикальным псевдошнуром и двумя треугольниками из псевдозерни, направленными вершинами в одну сторону. Край щитка обрамлен полосой из псевдозерни с аналогичными треугольниками, которые расположены не симметрично (четыре треугольника с одной стороны и пять – с другой). В нижней части основы имеется четыре гладких колечка, промежутки между которыми декорированы ромбами из псевдозерни. К ним прикреплены четыре цепочки с привесками-колокольчиками на концах. Каждая цепочка состоит из девяти щитковых звеньев, украшенных 4-5 рядами псевдошнуром, два нижних шнур в каждом звене также декорированы поперечными насечками. Состояние находки удовлетворительное, поверхность патинирована, все конструктивные элементы украшения целы. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

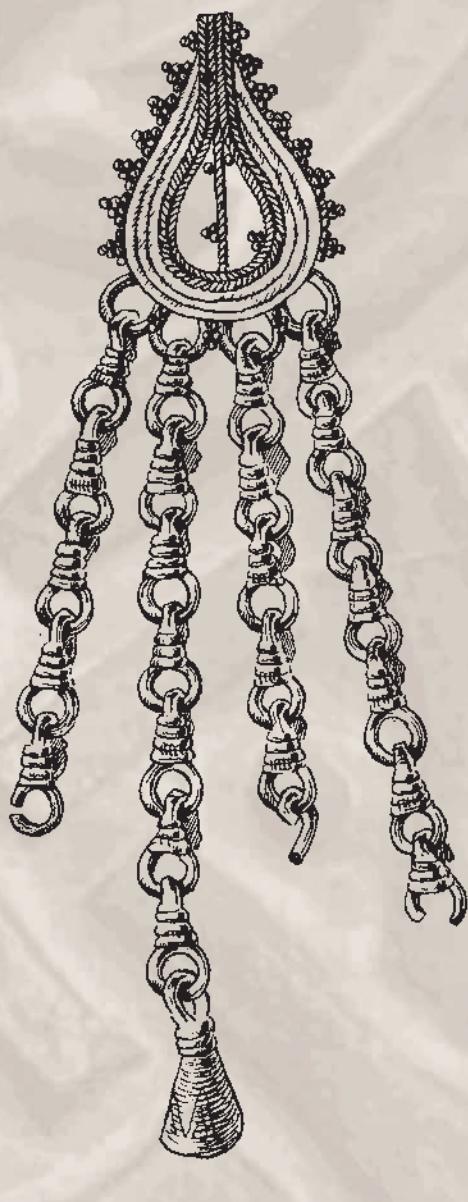
Размер: 16,0x5,3 см; вес 109,65 г.

Материал, техника: свинцовая латунь, литье.

Публикации: Иванова, 1995, с. 14–15, 44; Иванова, 1998, рис. 58; Иванова, Куликов, 2000, с. 40, 43, 191; История Удмуртии..., 2007, рис. 65.

Место хранения: 1988–2000 гг. – УИИЯЛ Удм-ФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-12/566).

12. ШУМЯЩАЯ ПОДВЕСКА. XI–XII в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдышское I городище Иднакар. Раскопки 1988 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. 19, гл. 22–30 см от поверхности, однородный слой темной глины [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44].

Описание: Подвеска имеет подтреугольную форму щитка, украшенную тремя рядами валиков, двумя рядами псевдошнуром. Верхняя часть щитка загнута назад, образуя петлю для крепления подвески. Центральное отверстие основы декорировано вертикальным псевдошнуром и двумя треугольниками из псевдозерни, обращенных вершинами в одну сторону. Край щитка обрамлен полосой из псевдозерни с аналогичными треугольниками, которые расположены симметрично (по шесть с каждой стороны). В нижней части основы имеется четыре гладких колечка, промежутки между которыми декорированы ромбами из шариков. К ним прикреплены четыре цепочки, одна из которых имеет семь щитковых звеньев и привеску-колокольчик на конце. Остальные цепочки сохранились фрагментарно и содержат от пяти до семи звеньев. Звенья украшены 4–5 рядами псевдошнуром, два нижних из них также декорированы поперечными насечками. Находка сохранилась частично: отсутствуют звенья и привески (колокольчики?) на трех из четырех цепочках, поверхность патинирована. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 16,0x5,3 см; вес 74,39 г.

Материал, техника: многокомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, 1995, с. 14–15, 44; Иванова, 1998, рис. 58; Иванова, Куликов, 2000, с. 40, 191; История Удмуртии..., 2007, рис. 65, Земля Идны, 2008, с. 69.

Место хранения: 1988–2000 гг. – УИИЯЛ Удм-ФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-12/568).

13. ШУМЯЩАЯ ПОДВЕСКА. XI–XII в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1988 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. 19, гл. 22–30 см от поверхности, однородный слой темной глины [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44].

Описание: Подвеска имеет подтреугольную форму щитка, центр которой сформирован треугольником из полугорошин, украшенным по периметру двумя рядами валиков и насечками между ними. Край щитка обрамлен полосой из псевдозерни с аналогичными треугольниками, которые расположены симметрично (по пять с каждой стороны). Верхняя часть щитка загнута назад, образуя петлю для крепления подвески. В нижней части основы имеется два кольца, промежуток между которыми декорирован треугольником из псевдозерни. К кольцам прикреплены две цепочки, каждая из которых состоит из двух щитковых звеньев и прорезных привесок-бубенчиков. Сохранность изделия удовлетворительна, его поверхность патинирована. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 7,0x2,5 см; вес 29,95 г.

Материал, техника: оловянистая бронза, литье.

Публикации: Иванова, 1995, с. 14–15, 44; Иванова, 1998, с. 143; Иванова, Куликов, 2000, с. 40, 42, 191; История Удмуртии..., 2007, рис. 65; Земля Идны, 2008, с. 69.

Место хранения: 1988–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-12/570).

14. ШУМЯЩАЯ ПОДВЕСКА. XI–XII в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1988 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. 19, гл. 22–30 см от поверхности, однородный слой темной глины [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44].

Описание: Парная подвеска, как и предыдущая находка, имеет подтреугольную форму щитка, центр которой сформирован треугольником из полугорошин, украшенным по периметру двумя рядами валиков и насечками между ними. Край щитка обрамлен полосой из псевдозерни с аналогичными треугольниками, которые расположены симметрично (по пять с каждой стороны). Верхняя часть щитка загнута назад, образуя петлю для крепления подвески. В нижней части основы имеется два кольца, промежуток между которыми декорирован треугольником из псевдозерни. К кольцам прикреплены две цепочки, каждая из которых состоит из двух щитковых звеньев и прорезных привесок-бубенчиков. Сохранность изделия удовлетворительна, его поверхность патинирована. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 6,9x2,2 см; вес 26,62 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, 1995, с. 14–15, 44; Иванова, 1998, с. 143; Иванова, Куликов, 2000, с. 40, 42, 191; История Удмуртии..., 2007, рис. 65; Земля Идны, 2008, с. 69.

Место хранения: 1988–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-12/571).

15. СЛИТОК. XI–XII в.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1988 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. 19, гл. 22–30 см от поверхности, однородный слой темной глины [Иванова, Отчет за 1988, рис. 44].

Описание: Стержень прямоугольной формы подтреугольного сечения. Один конец стержня округлен, другой – согнут. Срез металла неровный, поверхность его пористая. Слиток имеет изгиб, происхождение которого связано с процессом отделения части бруска. Сохранность изделия удовлетворительна, его поверхность стабилизована. Предмет реставрирован 15 февраля 1989 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 11,85x1,5 см; вес 134,20 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, 1995, с. 14–15, рис. 10; Иванова, 1998, рис. 58-5; Иванова, 1999, рис. 18; Иванова, Куликов, 2000, с. 191, рис. 84; История Удмуртии..., 2007, рис. 65.

Место хранения: 1988–2000 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2000 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-12/926).

16–17. ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ (БЛЯШКИ). X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Умбоновидного типа бляшки украшены по краю треугольниками псевдо-зерни. Лицевая выпуклая поверхность украшена тремя концентрическими валиками. На оборотной стороне – петли для крепления. Сохранность изделий удовлетворительна, они имеют сквозные отверстия, при этом общая форма бляшек не нарушена. Их поверхность стабилизирована. Предметы реставрированы 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,5x2,5 см; вес 5,09 г (№ 16), 5,26 г (№ 17).

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53; Земля Идны, 2008, с. 67.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/447, 448).

18. ПЕРСТЕНЬ ШУМЯЩИЙ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Перстень щиткового типа представляет собой уплощенный ободок, украшенный имитацией витого шнура. Щиток в виде овала декорирован тройным косичкообразным узором. К нижней части овала щитка прикреплены три кольца с треугольниками из псевдозерни между ними. К двум крайним кольцам за щитковые звенья привешены изогнутые привески-лапки. Сохранность изделия удовлетворительна, нижние края привесок-лапок патинизированы. Поверхность перстня стабилизована: предмет реставрирован 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: диаметр перстня 2,2 см, размер щитка с учетом длины привесок 2,5x4,0 см; вес 10,43 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 32, 191; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/449).

19. ПОДВЕСКА ШУМЯЩАЯ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

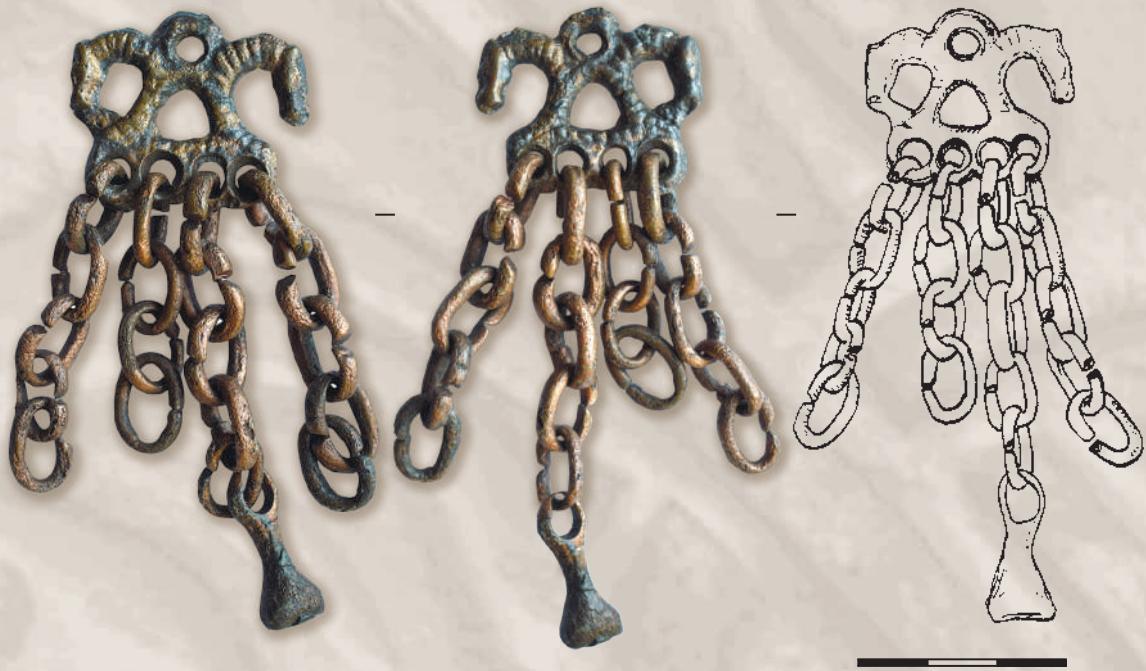
Описание: Шумящая подвеска имеет плоский щиток из стилизованных изображений двух противоположно направленных конских головок, украшенных насечками. Между головами в верхней части находится отверстие для подвешивания, в центральной части – подтреугольной формы отверстие. По нижнему краю подвески расположено четыре кольца для привесок. Подвеска является двусторонней – оборотная часть по декору и рельефу идентична лицевой. Привески представлены цепочками якорного плетения овальной формы из круглых в сечении проволочных звеньев со слегка разомкнутыми концами. Две центральные подвески состоят из пяти звеньев и оканчиваются привесками в форме уплощенных утиных лапок, крайне цепочки имеют по четыре звена без дополнительных украшений. Сохранность изделия удовлетворительна, предположительно утрачены две привески-лапки. Поверхность стабилизирована. Предмет реставрирован 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 3,2x8,7 см; вес 30,83 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 33, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/450).

20. ПОДВЕСКА ШУМЯЩАЯ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Шумящая подвеска имеет плоский щиток из стилизованных изображений двух противоположно направленных конских головок, украшенных насечками. Отливка имеет дефект с одной стороны: морда коня потоком металла соединена с основой подвески. Между головами в верхней части находится отверстие для подвешивания, в центральной части – подтреугольной формы отверстие, по нижнему краю подвески – четыре отверстия-кольца для привесок. Подвеска является двусторонней – оборотная часть по декору и рельефу идентична лицевой. Привески представлены цепочками якорного плетения овальной формы из круглых в сечении проволочных звеньев со слегка разомкнутыми концами. Только одна из цепочек, имеющая пять звеньев, заканчивается привеской-колокольчиком. Остальные цепочки имеют соответственно по пять/четыре/пять звеньев без дополнительных украшений. Сохранность изделия удовлетворительна, предположительно утрачены три привески-лапки. Поверхность стабилизирована. Предмет реставрирован 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 3,1x9,4 см; вес 33,01 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 33, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/451).

21. ПОДВЕСКА ШУМЯЩАЯ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Подвеска имеет основу в виде полой зооморфной фигуры, по форме близкой к птицевидной (уточка). Однако форма головки с торчащими ушками сближает ее с коньковыми. На поверхности объемного туловища расположены два валика (зигзагообразный и прямой формы), украшенные прямыми насечками. К двум петлям по бокам фигурки на восьмеркообразных звеньях с тремя рядами насечек посередине привешены изогнутые привески-лапки. Сохранность изделия удовлетворительна. Поверхность стабилизирована. Предмет реставрирован 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,2x5,4 см; вес 4,35 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 32, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/452).

22. ПОДВЕСКА ШУМЯЩАЯ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдышское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Подвеска имеет основу в виде полой зооморфной фигуры, по форме близкой к птицевидной (уточки), однако форма головки с торчащими ушками сближает ее с коньковыми. Поверхность объемного тулова украшена декором из волнистого валика, окаймленного сверху и снизу прямыми валиками. У нижней части фигурки по бокам находятся две петли, к одной из которых на восьмеркообразном звене с двумя рядами насечек привешена изогнутая привеска-лапка. Сохранность изделия удовлетворительна. Поверхность стабилизирована. Предмет реставрирован 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,0x5,4 см; вес 8,62 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 32, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/453).

23–26. ПРИВЕСКИ-КОЛОКОЛЬЧИКИ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Объемные привески-колокольчики имеют тонкое ушко для подвешивания и расширяющееся книзу полуполое тулово конусовидной формы. Декоративные элементы на всех четырех колокольчиках отсутствуют. Сохранность изделий удовлетворительна, поверхность стабилизирована. Все найденные экземпляры имеют сломанные петельки для крепления. Предметы реставрированы 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 0,8–0,9×1,3–1,4 см; вес 2,06 г (№ 23), 2,21 г (№ 24), 1,67 г (№ 25), 2,0 г (№ 26).
Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 33; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/481–484).

27–28. ПРОНИЗКИ-БУСИНЫ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

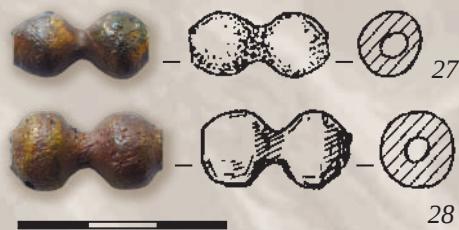
Описание: Двухчастные полые пронизки-бусины. Сохранность изделий удовлетворительна, на поверхности имеются затеки металла, небольшие каверны (дефекты литья?). Поверхность стабилизирована. Предметы реставрированы 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 1,9×0,9 см; вес 2,58 г (№ 27), 3,40 г (№ 28).

Материал, техника: свинцовая латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 32, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/457, 458).

28

27

29–33. ПРОНИЗКИ-БУСИНЫ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Одночастные полые фляконовидные пронизки-бусины, часть из них (рис. 29, 30) имеет манжеты с насечками на одном конце. Сохранность изделий удовлетворительна, на поверхности имеются затеки металла, небольшие отверстия (дефекты литья?). Поверхность стабилизирована. Предметы реставрированы 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 1,0x1,4 см (№ 29), 1,0x1,7 см (№ 30), 1,3x1,0 см (№ 31), 1,2x0,9 см (№ 32), 1,3x0,9 см (№ 33); вес 2,67 г (№ 29), 2,48 г (№ 30), 2,38 г (№ 31), 1,26 г (№ 32), 1,28 г (№ 33).

Материал, техника: оловянистая бронза (№ 29), двухкомпонентная (№ 30–32) и свинцовая (№ 33) латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, рис. 57, с. 190; История Удмуртии..., рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/455, 456, 459, 460, 461).

34. ПРОНИЗКА-БУСИНА. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Одночастная полая пронизка-бусина с рубчатыми манжетами на обоих концах. Сохранность изделия удовлетворительна, на поверхности у одной из манжет – небольшое отверстие (дефект литья?). Поверхность стабилизирована. Предмет реставрирован 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 1,0x1,3 см, вес 2,46 г.

Материал, техника: многокомпонентная бронза, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, рис. 57, с. 190; История Удмуртии..., рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/454).

35. ПОЯСНАЯ НАКЛАДКА. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

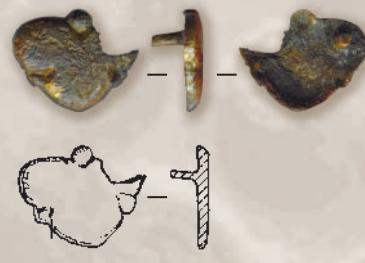
Описание: Поясная накладка подтреугольной формы со штифтом на обратной стороне для крепления к ремню. На лицевой поверхности прослеживается изображение трилистника с окружностями между лепестками. Изделие фрагментировано, утеряна часть накладки со вторым штифтом на обороте. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

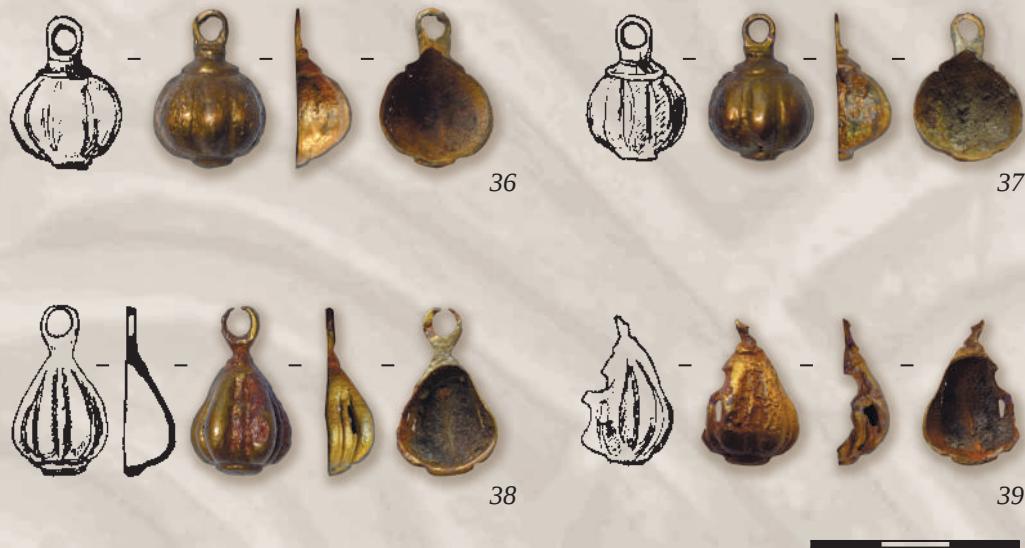
Размер: 1,2x1,5 см; вес 0,72 г.

Материал, техника: многокомпонентная бронза, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, рис. 57; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/492).

36–39. ПУГОВИЦЫ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Две грушевидные объемные полые пуговицы, состоящие каждая из двух полых половинок (№ 36–37, № 38–39). Одна из пуговиц более округлая (№ 36–37), другая имеет ярко выраженную грушевидную форму (№ 38–39). Поверхность каждой половинки имеет продольные желобки, формирующие рельеф. Сохранность изделий удовлетворительна, на поверхности имеются затеки металла, небольшие отверстия (дефекты литья?), у второй пуговицы размокнутая петля на одной половине (№ 38) и отсутствует петля для пришивания на другой половине (№ 39). Поверхность стабилизирована. Предметы реставрированы 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,1x1,5 см, 2,3x1,3 см; вес 2,25 г (№ 36–37), 2,38 г (№ 38–39).

Материал, техника: свинцовая (№ 36–38) и многокомпонентная (№ 39) латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, рис. 57, с. 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/463, 464, 462, 465).

40–54. ПРИВЕСКИ-БУБЕНЧИКИ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Группа привесок состоит из шести бубенчиков полной формы (№ 40–45) и девяти половинок (№ 46–54). Форма всех бубенчиков округлая шаровидная. Декоративными элементами выступают рубчики (желобки), маркирующие среднюю линию окружности бубенчика, а также имитирующие шов на его нижней половине. Сохранность изделий удовлетворительна, на поверхности имеются следы патины. Поверхность стабилизирована. Предметы реставрированы 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 0,8–0,9×1,3–1,4 см; вес 0,65 г (№ 40), 0,46 г (№ 41), 1,16 г (№ 42), 1,11 г (№ 43), 1,15 г (№ 44), 0,56 г (№ 45), 0,48 г (№ 46), 0,71 г (№ 47), 0,48 г (№ 48), 0,52 г (№ 49), 0,53 г (№ 50), 0,47 г (№ 51), 0,62 г (№ 52), 0,54 г (№ 53), 0,58 г (№ 54).

Материал, техника: оловянная (№ 40, 44) и многокомпонентная (№ 41–43, 45–54) латунь, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, рис. 73, с. 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/466, 467, 477–480, 468–476).

55–56. КОЛЬЦА. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Пластинчатые разомкнутые кольца с небольшим (№ 55) и более выраженным (№ 56) уплощенным расширением на концах. Внутренняя и наружная поверхность колец гладкая, без орнамента. Сохранность изделий хорошая, они не утратили свою геометрию. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

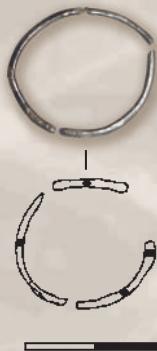
Размер: 2,1x2,1 см; вес 0,89 г (№ 55), 0,93 г (№ 56).

Материал, техника: оловянистая латунь, волочение, ковка.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/486, 487).

57. КОЛЬЦО. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Одновитковое проволочное кольцо, скорее всего разомкнутое. Изделие фрагментировано, состоит из двух частей. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,0x2,0 см; вес 0,40 г.

Материал, техника: сплав меди и серебра, волочение.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/491).

58. КОЛЬЦО. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Фрагмент кольца, уплощенного в горизонтальной плоскости. Профиль разреза имеет подтреугольную форму. Сохранившаяся часть не позволяет установить имело ли кольцо разомкнутые края. Сохранился только фрагмент изделия, края имеют следы естественного слома. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 2,0x2,4 см; вес 1,68 г.

Материал, техника: свинцово-оловянная бронза, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/485).

59. БРАСЛЕТ. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

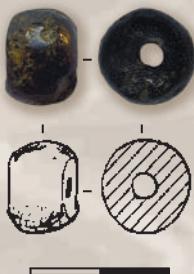
Описание: Пластинчатый браслет с несомкнутыми отвесными концами. Выполнен из пластины, несколько утолщенной в средней части (в сечении – подтреугольный профиль). Сохранность изделия удовлетворительная, по краю браслета имеются мелкие сколы. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 5,2x6,2 см; вес 16,92 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, холодная деформация.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/488).

60. БУСИНА. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

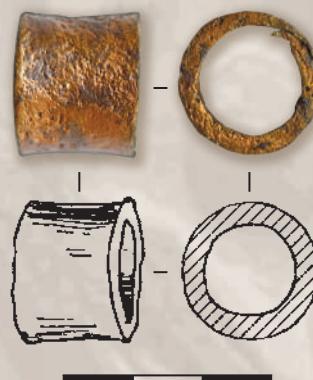
Описание: Бусина изготовлена из заглушенного матового черного стекла, одночастная, круглая в сечении. Форма близка к шаровидной. Единственная неметаллическая находка среди всех иднакарских кладов. Сохранность изделия удовлетворительная.

Размер: диаметр 1,2 см, высота 0,9 см; вес 1,87 г.

Материал, техника: стекло, ручная.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 33; История Удмуртии..., 2007, рис. 53.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/493).

61. ЗАГОТОВКА. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Предположительно заготовка изделия в виде полой трубки круглого сечения. Сохранность изделия удовлетворительная. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: диаметр 1,6 см, длина 1,9 см, толщина стенки 0,2–0,3 см; вес 13,72 г.

Материал, техника: двухкомпонентная латунь, литье (?).

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/489).

62. СЛИТОК. X–XI вв.

Происхождение: Удмуртская Республика, Глазовский район, Солдырское I городище Иднакар. Раскопки 1999 г. под руководством М. Г. Ивановой, уч. аб/6–7, северо-восточный угол жилого сооружения № 1 [Иванова, Отчет за 1999, л. 29–30, 45–46, 118–119].

Описание: Плоско-выпуклый в сечении слиток цветного металла имеет прямоугольную форму и следы отделения части металла с одного конца. Поверхность слитка неровная, с буграми и впадинами от литейной формы. Сохранность изделия удовлетворительная. Поверхность стабилизирована в ходе реставрации, проведенной 19 августа 1999 г. реставратором высшей категории В. А. Михеевым.

Размер: 1,3x4,4 см; вес 32,62 г.

Материал, техника: сплав меди и серебра, литье.

Публикации: Иванова, Куликов, 2000, с. 36, 190.

Место хранения: 1999–2015 гг. – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с 2015 г. – БУК «ИКМЗ» УР «Иднакар» им. М. Г. Ивановой (№ учета А-27/490).

Содержание

Введение	5
Глава 1. Клады VIII–XIII вв. в бассейне р. Чепцы	10
Глава 2. Клады из культурного слоя городища Иднакар	32
2.1. Клады из раскопов городища	36
2.2. Состав кладов и описание предметов	41
Глава 3. Характеристика цветного металла изделий из кладов городища Иднакар	49
3.1. Методика исследования	50
3.2. Результаты анализа поверхности изделий	54
3.3. Металл иднакарских кладов в контексте исследования цветных металлов чепецкой культуры	64
Заключение	69
Список использованных источников и литературы	72
Список основных сокращений	78
Каталог находок иднакарских кладов	79

Научное издание

Татьяна Михайловна Сабирова,
Елена Львовна Русских

КЛАДЫ ИДНАКАРА

Монография

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

В оформлении обложки использовано фотоизображение
серебряных чаш из клада 1994 г. (фото Т. М. Сабировой).
На обратной стороне – копия страницы научного труда
Николая Григорьевича Первухина [1896, с. 69]

Дизайн обложки Т. Р. Сабирова
Оригинал-макет И. В. Широбоковой, Т. Р. Сабирова

Подписано в печать 18.03.2022. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation Serif.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 6,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 180.

ISBN 978-5-6044266-9-2

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел. (3412) 50-82-00 Факс (3412) 50-79-59 <http://www.udman.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Алмаз-Принт» (ИП Насырова Е.В., ИНН 182702767164)
427960, Удмуртская Республика, г. Сарапул, ул. Амурская, 17.
Тел. 8-922-693-22-02 E-mail: zakaz@almaz-print.com

времени въ охотѣ и владѣнія его переходили на лѣвый берегъ р. Чепцы, гдѣ (въ Ключевской вол. близъ дер. Больше Парзинской) до сего времени указываютъ городище, наз. «Идна-каръ дзэзи», что значитъ «ворота Идна-кара». На сѣверѣ имя Идны дошло до Омутниковской вол., гдѣ одинъ изъ притоковъ р. Вятки съ лѣвой стороны называется «Идна». Преданія указываютъ, что Идна прожилъ до прихода русскихъ въ эту страну и погибъ отъ отсутствія вѣщаго инстинкта у одного изъ его коней, именно пѣгаго. Этотъ случай съ Идной, по объясненіямъ вотяковъ, далъ начало употребляемой у нихъ по-нынѣ пословицѣ (соответствующей русской пословицѣ «на безрыбъи и ракъ рыба»): «пѣгая лошадь можетъ считаться лошадью, только когда нѣтъ другихъ лошадей» (*пѣгой валь ватэмлэсъ*).

Внутри городища съ сѣверозападной стороны, по преданію, есть подземелье, въ которое отъ р. Пызепа ведутъ желѣзныя двери, въ ночь на Пасху открывающіяся и стоящія открытыми до окончанія церковной службы. Зарыты также клады на югово-сточной сторонѣ, у подножія городища, въ бугоркѣ, лежащемъ на берегу «старицы» р. Чепцы. Много сокровищъ кинуто также въ самую «старницу», но чтобы достать ихъ оттуда, надо узнать завѣтное слово. Всѣ Идна-карскіе клады уже давно желаютъ отдаться въ руки счастливому, а поэтому выходили наружу и даже переходили на другія мѣста, являемъся то въ формѣ бочки на самомъ Иднѣ-карѣ, то въ видѣ всадника, одѣтаго въ бѣлое, прискакавшаго съ Идна-кара на старый могильникъ близъ дер. Адамской, гдѣ всадникъ этотъ и исчезъ.

Поверхность городища давно уже распахивается и едва-ли не съ первого года распашки мѣстные крестьяне находятъ въ землѣ, кромѣ массы черепковъ, раздробленныхъ костей разныхъ животныхъ, разныя бронзовыя, серебряныя и даже золотыя вещи, чѣмъ въ ихъ умахъ утверждается убѣжденіе въ существованіи кладовъ. Между находками—наиболѣе цѣнною является находка крестьянки дер. Сордырской, Афимы Будиной, которая осенью 1883 г., во время жатвы, случайно увидѣвъ выставившійся изъ земли кусокъ серебра, стала копать окружающую площадку и нашла еще нѣсколько слитковъ въ глиняномъ сосудѣ, всего до 14 фунт. серебра, которое и было продано ею въ Вяткѣ за 180 р.

Такъ какъ городище это одно изъ самыхъ близкихъ къ городу, а въ дер. Сордырской мы имѣли себѣ помощника въ лицѣ мѣстнаго крестьянина Т. Р. Будина, состоящаго помощникомъ учителя въ одной изъ министерскихъ школъ нашего района; то и сами мы много разъ пріѣзжали на это городище, чтобы покопаться на немъ, и мѣстныхъ крестьянъ захотили внимательнѣе относиться къ встрѣчаемымъ въ землѣ предметамъ, такъ какъ иногда за самый ничтожный (по ихъ мнѣнію) камень или кость мы платили имъ серебряными деньгами или-же отдавали разными вещами. Поэтому всякий нашъ пріѣздъ на городище привлекалъ къ намъ множество дѣтей и молодежи изъ деревни Сордырской, которые не только за самую ничтожную плату, но даже и совершенно бесплатно, охотно брались работать подъ нашимъ руководствомъ, а также приносили массу цѣльныхъ вещей и обломковъ, найденныхъ вслѣдъ за послѣднимъ посѣщеніемъ нами городища. У подножія городища находмы были даже вещи каменнаго периода (а именно: небольшой яшмовый клинъ или топорикъ, затѣмъ—нуклеусъ), а на самой